

Информация для цитирования:

Губаева А. К., Ли Чж., Кратенко М. В. Базовый дискурс деликтного права в контексте разъяснений Верховного Суда РФ о компенсации морального вреда // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. Вып. 2(60). С. 257–284. DOI: 10.17072/1995-4190-2023-60-257-284.

Gubaeva A. K., Lee Jewoo, Kratenko M. V. *Bazovyy diskurs deliktного prava v kontekste raz'yasneniy verkhovnogo suda RF o kompensatsii moral'nogo vreda* [Basic Discourse on Tort Law in the Context of the Supreme Court's Explanations on Compensation for Moral Harm]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2023. Issue 2(60). Pp. 257–284. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2023-60-257-284.

УДК 347.2

DOI: 10.17072/1995-4190-2023-60-257-284

БАЗОВЫЙ ДИСКУРС ДЕЛИКТНОГО ПРАВА В КОНТЕКСТЕ РАЗЪЯСНЕНИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА РФ О КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА

А. К. Губаева

Санкт-Петербургский
государственный университет
E-mail: tvaza@mail.ru

Чжеву Ли

Университет Каннам
(Республика Корея)
E-mail: evercurly@gmail.com

М. В. Кратенко

Санкт-Петербургский
государственный университет
E-mail: maxkrat@yandex.ru

Поступила в редакцию 21.01.2023

Введение: исследуется практика судов общей юрисдикции по искам о компенсации морального вреда, в том числе систематизированная в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 33 от 15.11.2022 (Постановление Пленума № 33). За почти 30 лет, что прошли с момента опубликования первых разъяснений по вопросам компенсации морального вреда в 1994 году, произошли значительные перемены в социальной, экономической и духовной сфере, не говоря уже об изменениях в законодательстве. Появление у граждан новых охраняемых законом интересов и ожиданий относительно уровня правовой защиты потребовало более современной трактовки института компенсации морального вреда. **Цель:** выявить тенденции в толковании и применении норм о компенсации морального вреда; оценить правовые позиции, изложенные в Постановлении Пленума № 33, с точки зрения их соответствия подходам в доктрине, возможности восполнения пробелов в законодательстве, значения для распределения бремени доказывания и более эффективного разрешения соответствующих споров. **Методы:** формально-логический, исторический и сравнительно-правовой методы исследования. **Выводы:** Постановление Пленума № 33 в целом отражает сложившиеся в доктрине и судебной практике подходы к определению того, по каким основаниям и при наличии каких условий может быть взыскана компенсация морального вреда, каковы субъектный состав и динамика данного обязательства. В Постановлении отражена тенденция к расширению перечня оснований для присуждения компенсации (например, при уничтожении или повреждении вещей, имеющих большую нематериальную ценность для потерпевшего; в случае незаконного изъятия части доходов и невозможности поддерживать прежний уровень жизни). Вместе с тем в части вопросов доказывания позициям Верховного Суда РФ свойственна излишняя осторожность. Пленум ограничил действие презумпции наличия морального вреда лишь некоторыми случаями нарушения прав гражданина (посягательства на жизнь и

© Губаева А. К., Ли Чж., Кратенко М. В., 2023

здоровье, нарушение прав потребителя). Не раскрыты признаки причинной связи и не указано на возможность ее презюмирования при определенных обстоятельствах, в том числе применительно к незаконным актам власти и медицинским деликтам, где доказывание данного условия ответственности может быть затруднительным для потерпевшего. Детализация критериев размера компенсации морального вреда, вместо ориентации на применение средних значений взыскиваемых сумм по аналогичным делам, не повлияет существенно на практику произвольного и недостаточно мотивированного определения судами размера компенсации.

Ключевые слова: моральный вред; личные неимущественные права; потерпевший; уголовное и административное преследование; дефекты медицинской помощи; причинная связь

BASIC DISCOURSE ON TORT LAW IN THE CONTEXT OF THE SUPREME COURT'S EXPLANATIONS ON COMPENSATION FOR MORAL HARM

A. K. Gubaeva

St. Petersburg State University
E-mail: tvaza@mail.ru

Jewoo Lee

Kangnam University (Yongin, South Korea)
E-mail: evercurly@gmail.com

M. V. Kratenko

St. Petersburg State University
E-mail: maxkrat@yandex.ru

Received 21 Jan 2023

Introduction: *the authors examine the jurisprudence on claims concerning compensation for moral harm including that systematized in the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 33 of November 15, 2022. The first explanations concerning compensation for moral damage were published almost 30 years ago, in 1994. Since then, great changes have occurred in social, economic, and cultural spheres, not to mention the development of legislation. The emergence of the citizens' new legal interests and expectations with regard to the level of protection has required a more modern interpretation of the institution in question. Purpose:* to identify trends in the interpretation and application of the rules on compensation for moral harm; to assess the legal positions set out in Resolution No. 33 in terms of their compliance with the legal doctrine, the potential for filling gaps in the legislation, the significance for the distribution of the burden of proof and more effective resolution of relevant disputes. **Methods:** *dogmatic, historical, and comparative legal analysis. Conclusions:* Resolution No. 33 generally reflects the approaches developed in the legal doctrine and judicial practice with regard to the grounds and conditions under which compensation for moral harm can be recovered, to the understanding of who the parties to this obligation are. The Resolution reflects the tendency toward expansion of the list of grounds for awarding compensation (for example, in case of damage to things of great non-property value to the victim; in case of illegal seizure of part of income and inability to maintain the previous standard of living). At the same time, the positions of the Supreme Court are characterized by excessive caution with respect to proof issues. The Plenum limited the effect of the presumption of moral harm to only some cases of violation of a natural person's rights (damage to life or health, violation of consumer rights). There is no attempt in the Resolution to explain the criteria of causation and no mention of presumption of a causal link in certain circumstances, including in relation to illegal acts of public authorities and medical malpractice, where proving this precondition of liability may be difficult for the victim. Provision of detailed criteria for establishing the amount to be recovered as compensation for moral harm, instead of focus on the application of average amounts recovered in similar cases, is unlikely to have a significant impact on the practice of courts determining the amount of compensation in a rather arbitrary manner.

Keywords: moral harm; personal rights; victim, criminal and administrative prosecution; medical malpractice; causal link

Введение

Иски о возмещении вреда (из деликтов) сегодня становятся столь же распространенными в практике судов, как и разного рода вещно-правовые, договорные или корпоративные споры. Однако, в отличие от упомянутых выше категорий дел, судебная практика по спорам о возмещении вреда в течение длительного времени не подвергалась какой-либо систематизации. Можно вспомнить разъяснения Верховного Суда РФ по вопросам применения законодательства о компенсации морального вреда (1994)¹, о возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью гражданина (2010)², об ответственности за причинение вреда окружающей среде (2012³, 2017⁴, 2022⁵). При этом следует учитывать специфическую правовую природу отношений по возмещению экологического вреда, наличие своего механизма оценки вредного воздействия на окружающую среду [18, с. 154–155]. Поэтому лишь некоторые из правовых позиций Верховного Суда РФ, изложенные в обобщениях 2017 и 2022 годов, имеют универсальный, применимый для других деликтных споров характер.

В опубликованном в ноябре 2022 года Постановлении⁶ Верховный Суд РФ не только разъяснил отдельные аспекты института ком-

пенсации морального вреда (субъекты права на компенсацию, основания и условия выплаты компенсации, определение размера компенсации), но и попытался дать толкование некоторым общим положениям о возмещении вреда (§ 1 гл. 59 ГК РФ).⁷ Более того, можно говорить о наличии в Постановлении своеобразной особенной части, в которой изложены правовые позиции Верховного Суда РФ применительно к отдельным видам деликтов: незаконное (необоснованное) применение к гражданину мер государственного принуждения в ходе уголовного и административного преследования; причинение вреда жизни или здоровью пациента при ненадлежащем лечении; распространение в отношении гражданина порочащей информации или разглашение охраняемых законом тайн и пр.

С учетом такого «двойного» содержания Постановления Пленума № 33 последующий комментарий авторов будет посвящен как собственно вопросам компенсации морального вреда, так и общим проблемам деликтного права, включая отдельные виды деликтов. По ряду соображений (относительная новизна, недостаточная исследованность в литературе, наличие противоречий в практике самого Верховного Суда РФ) особое внимание будет уделено «деликтам власти»⁸ и так называемым «врачебным делам»⁹.

1. Право на компенсацию морального вреда.

Общие положения

1.1. Основания и условия компенсации морального вреда. К вопросу о презумпции морального вреда при нарушении любых прав личности

Российское деликтное право, как право-преемник советского, развивалось в составе континентальной правовой семьи, в которой все усилия правовой науки были направлены на

¹ Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 дек. 1994 г. № 10 (ред. от 06.02.2007) // Российская газета. 1995. 8 февраля.

² О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 янв. 2010 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда. 2010. № 3.

³ О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 окт. 2012 г. № 21 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 нояб. 2017 г. № 49 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ по вопросам применения законодательства об охране окружающей среды: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24 июня 2022 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ О практике применения судами норм о компенсации морального вреда: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 нояб. 2022 г. № 33. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Далее по тексту – Постановление Пленума № 33.

⁷ Аналогичную направленность имело Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 26 янв. 2010 г. № 1. В нем комментировалась практика применения ст. 1068 ГК РФ (о возмещении вреда, причиненного при исполнении трудовых обязанностей), ст. 1079 ГК РФ (о возмещении вреда, причиненного источником повышенной опасности) и др.

⁸ Под которыми прежде всего понимаются иски к публично-правовым образованиям на основании ст. 1069 и 1070 ГК РФ.

⁹ Словосочетание «врачебные дела» распространено в российской юридической и медицинской литературе. В странах общего права ему соответствуют понятия *medical malpractice cases*, *medical negligence cases*.

поиск единых критериев ответственности и «устранение исторически сложившихся различий в отдельных деликтах», это постепенно привело к разработке общего принципа деликтной ответственности, который в конечном счете был законодательно закреплен в правовых актах большинства западноевропейских стран [19, с. 372]. И хотя этот принцип в контексте европейской цивилистической доктрины понимается различно, на нем основано построение системы норм, функционально обеспечивающих защиту прав потерпевших, личности или имуществу которых причинен вред вследствие деликта [6, с. 45–46].

В соответствии с принципом генерального деликта действует общий запрет на причинение вреда, в том числе морального. Отсутствие прямого указания в законе на возможность компенсации причиненных нравственных или физических страданий в конкретных правоотношениях не означает, что потерпевший в этих случаях не имеет права на компенсацию морального вреда, причиненного действиями (бездействием), нарушающими его личные немущественные права либо посягающими на принадлежащие ему нематериальные блага¹.

Моральный вред подлежит компенсации при наличии специальных условий, установленных статьями 151, 1099 ГК РФ, и других условий, предусмотренных нормами главы 59 ГК РФ, отдельными законодательными актами (например, Законом о защите прав потребителей², Законом об основах туристской деятельности³, Законом об охране здоровья граждан⁴ и др.).

Какой-либо перечень поименованных деликтов, являющихся основанием для компенсации морального вреда, в законодательстве не

закреплен. В судебной практике встречаются примеры, когда природа нарушенного права до конца не ясна, но можно с уверенностью говорить об ущемлении законных интересов гражданина и причинении ему страданий.

Г. обратился с иском к администрации г. Заозерного о компенсации морального вреда, ссылаясь на то, что в течение трех лет сталкивается с сознательным ущемлением его прав, отказом администрации обеспечить нормальное пользование коммунальной услугой по вывозу твердых коммунальных отходов (ТКО) – путем оборудования контейнерной площадки рядом с многоквартирным домом. Судом иск Г. удовлетворен, в том числе со ссылкой на пункт 37 Постановления Пленума № 33. Апелляционная и кассационная жалобы администрации, которая указывала на отсутствие нарушения личных немущественных прав Г. и, соответственно, оснований для компенсации морального вреда, были отклонены. Суды пришли к выводу, что длительное бездействие ответчика (установленное ранее вынесенным судебным актом) не могло не повлечь за собой нравственных страданий истца и умаление его достоинства в связи с необходимостью ожидать приезда мусоровоза для выброса ТКО⁵.

Принцип генерального деликта действует с определенными особенностями применительно к данным охранительным обязательствам, одним из его проявлений является презумпция противоправности причинения морального вреда потерпевшему, личные немущественные права которого были нарушены.

Действие общей презумпции наличия морального вреда (физических и нравственных страданий) при нарушении личных немущественных прав и посягательстве на нематериальные блага гражданина остается под вопросом. Пленум Верховного Суда РФ допустил возможность презюмирования морального вреда лишь в нескольких конкретных ситуациях: при нарушении прав потребителя (п. 3 Постановления Пленума № 33); причинении вреда здоровью (п. 15); в случае установления судом, что преступлением, в том числе преступлением

¹ П. 2 Постановления Пленума № 33.

² О защите прав потребителей [Электронный ресурс]: Закон РФ от 07 февр. 1992 г. № 2300-1 (в ред. от 05.12.2022 № 478-ФЗ). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Далее по тексту – Закон о защите прав потребителей.

³ Об основах туристской деятельности в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон от 24 нояб. 1996 г. № 132-ФЗ (в ред. от 28.05.2022 № 148-ФЗ). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Далее по тексту – Закон о туристской деятельности.

⁴ Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон от 21 нояб. 2011 г. № 323-ФЗ (в ред. от 28.12.2022 № 569-ФЗ). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Далее по тексту – Закон об охране здоровья.

⁵ Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 22 дек. 2022 г. № 88-23186/2022 по делу № 397/2022.

против собственности, нарушены личные нематериальные права потерпевшего либо преступление посягает на принадлежащие ему нематериальные блага (п. 17).

При обсуждении проекта Постановления Пленума № 33 на кафедре гражданского права СПбГУ предлагалось дополнить его универсальной правовой позицией: «В случае, если в отношении гражданина имели место действия (бездействие), нарушающие его личные нематериальные права либо посягающие на принадлежащие ему нематериальные блага, предполагается наличие у потерпевшего морального вреда»¹. Однако данное предложение не было учтено, возможно, по соображениям сдерживания роста количества исков о компенсации морального вреда.

Тем не менее очевидна тенденция к снижению стандарта доказывания наличия морального вреда. В пункте 12 Постановления Пленума № 33 ничего не говорится о необходимости для потерпевшего доказывать перенесенные физические или нравственные страдания. Потерпевший (истец) должен доказать лишь факт нарушения его личных нематериальных прав либо посягательства на принадлежащие ему нематериальные блага, а также то, что ответчик является лицом, действия (бездействие) которого повлекли эти нарушения, или лицом, в силу закона обязанным возместить вред. Это не исключает право потерпевшего представлять доказательства о характере или длительности причиненных ему страданий – для обоснования размера взыскиваемой суммы компенсации.

Несмотря на сдержанные формулировки Постановления Пленума № 33, в определениях по конкретным делам Верховный Суд РФ придерживается более универсального подхода, по смыслу которого в случае нарушения противоправными действиями личных нематериальных прав гражданина или посягательства на принадлежащие ему нематериальные блага наличие нравственных страданий предполагается и доказыванию не подлежит.

Истец Г. предъявил требование о солидарном взыскании ущерба и компенсации морального вреда к лицам, похитившим его имущество из гостиничного номера, и к самой гостини-

це. В части взыскания компенсации морального вреда в иске было отказано. Отменяя судебные акты, Верховный Суд РФ разъяснил, что следует исходить из общей презумпции причинения морального вреда при посягательстве на личные нематериальные блага потерпевшего: «...Из положений закона следует, что моральный вред может заключаться не только в физических страданиях, которые объективно выражаются в расстройстве или повреждении здоровья, но и в нравственных страданиях, которые могут не иметь внешнего проявления (п. 1 ст. 150, ст. 151, 1099 ГК РФ). Применительно к способам защиты прав потерпевшего вследствие преступления следует исходить из того, что гражданский иск о компенсации морального вреда подлежит рассмотрению судом и в тех случаях, когда в результате преступления, посягающего на чужое имущество или другие материальные блага, вред причиняется также личным нематериальным правам либо принадлежащим потерпевшему нематериальным благам (например, при краже с незаконным проникновением в жилище)»².

Возможность компенсации морального вреда при одновременном нарушении имущественных и личных нематериальных прав гражданина

Разъяснения в пунктах 4 и 5 Постановления Пленума № 33 относятся к положениям статьи 151 и пункта 2 статьи 1099 ГК РФ и фактически расширяют сферу применения института компенсации морального вреда. Моральный вред подлежит компенсации на общих основаниях, если действия, направленные против имущественных прав гражданина, одновременно нарушают его личные нематериальные права (посягают на нематериальные блага) и причиняют гражданину страдания, например, в случае порчи вещи, представляющей для потерпевшего особую нематериальную ценность (фотоальбом, унаследованные семейные реликвии). Точно так же при совершении преступления против собственности (кражи, мошенничества и пр.) потерпевший вправе требовать компенсации морального вреда, если указанным преступлением ему причинены физические и нравственные страдания вследствие

¹ Автор предложения – А. К. Губаева.

² Определение ВС РФ № 5-КГ22-99-К2 от 15 нояб. 2022 г.

умаления личных неимущественных прав и нематериальных благ. Потерпевший может заявить соответствующее требование как в рамках производства по уголовному делу, так и в виде самостоятельного гражданского иска (абз. 1 ст. 151, ст. 1099 ГК РФ и ч. 1 ст. 44 УПК РФ).

Потерпевший как личность, скорее, переносит страдания, чем останется равнодушен к причинению ему имущественного вреда преступлением и (или) гражданским правонарушением (деликтом). Многие будут зависеть от убедительности представленных им доказательств перенесенных страданий¹.

Сложность рассмотрения гражданского иска о взыскании компенсации морального вреда в случае сочетания нарушений имущественных и личных неимущественных прав можно продемонстрировать на следующем примере, связанном с самовольным завладением чужим имуществом.

Ответчик самовольно завладел ноутбуком и получил доступ к конфиденциальной личной информации истца, его фотографиям и видеозаписям. Из-за действий ответчика истец в течение длительного времени был лишен возможности использовать ноутбук в профессиональной деятельности, вести активную общественную жизнь, что и стало поводом для предъявления требования о компенсации морального вреда.

Суд первой инстанции отказал в иске, сославшись на то, что в результате преступных действий ответчика были нарушены имущественные права истца, а действующим законодательством не предусмотрено право гражданина на компенсацию морального вреда в подобных случаях. Оставляя решение без изменения, апелляционная инстанция указала на отсутствие доказательств, подтверждающих причинение истцу психологической травмы (заключения врача, выписки из амбулаторной

карты) либо косвенно указывающих на причинение моральных страданий. Верховный Суд РФ отменил судебные акты по делу, указав на взаимосвязь имущественного правонарушения с ограничением личных свобод истца, а также с нарушением его права на неприкосновенность жилища. При этом непривлечение ответчика к уголовной ответственности (в связи с примирением сторон) не свидетельствовало об отсутствии оснований для взыскания компенсации морального вреда за посягательство на неимущественную сферу потерпевшего².

Принципиальное значение для признания возможности взыскания компенсации морального в случае нарушения имущественных прав потерпевшего имеет и другое определение Верховного Суда РФ – по спору, связанному с гибелью домашнего животного.

Потерпевшая обратилась с иском к автовладельцу о компенсации морального вреда, причиненного гибелью ее собаки под колесами автомобиля. Суд первой инстанции удовлетворил иск частично (в сумме 25 тыс. руб.), полагая, что вследствие гибели домашнего питомца истцу были причинены нравственные страдания. Суды апелляционной и кассационной инстанций, напротив, исходили из того, что потерпевшему был причинен лишь имущественный вред (поскольку закон относит животных к имуществу), поэтому в иске отказали.

Верховный Суд РФ поддержал позицию суда первой инстанции, указав на особенности правового режима животных в сравнении с иными видами имущества, в частности, запрет жестокого обращения с ними. Этот запрет, содержащийся как в уголовном, так и в гражданском законодательстве, направлен не на охрану имущества как такового, а на охрану отношений нравственности. Применение законодателем по отношению к животным таких категорий, как жестокость, нравственность, гуманизм, свидетельствует о том, что при определенных обстоятельствах гибель животных может причинять их владельцу не только имущественный вред, но и нравственные страдания, в частности в силу эмоциональной привязанности, потребности в

¹ Данное разъяснение Верховного Суда РФ является логичным продолжением идеи, ранее озвученной Конституционным Судом РФ, о том, что действующее правовое регулирование не предполагает безусловного отказа в компенсации морального вреда лицу, которому физические и нравственные страдания были причинены преступлением, в силу одной лишь квалификации такого деяния как посягающего на имущественные права. См.: По делу о проверке конституционности статьи 151 Гражданского кодекса РФ в связи с жалобой гражданина С. Ф. Шиловского: Постановление Конституционного Суда РФ от 26 окт. 2021 г. № 45 // Российская газета. 2021. 12 ноября.

² Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22 июля 2020 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». П. 8.

общении по отношению к конкретному животному, что не исключает возложение на причинителя вреда обязанности компенсировать моральный вред с учетом конкретных обстоятельств дела¹.

1.2. Субъекты обязательства по компенсации морального вреда. Проблема правоприменения

Субъектами обязательства по компенсации морального вреда являются кредитор (как правило, сам потерпевший) и должник, в роли которого выступает причинитель вреда или иное лицо, на которое законом возложена обязанность по возмещению вреда (родители малолетних детей, публично-правовое образование в случае причинения вреда незаконными действиями должностных лиц, работодатель лица, причинившего вред при исполнении трудовых обязанностей).

Деление потерпевших на «первичных» и «вторичных»

Имеет ли правовое значение деление потерпевших на «первичных» и «вторичных», принятое в западной цивилистической доктрине? В пункте 49 Постановления Пленума № 33 содержится разъяснение, по смыслу которого такое деление не имеет значения при решении вопроса о наличии права на компенсацию. Важно само наличие физических и нравственных страданий у потерпевшего. Это, в частности, касается требований о компенсации морального вреда в случае нарушения прав граждан в сфере охраны здоровья, причинения вреда жизни и (или) здоровью гражданина при оказании ему ненадлежащей медицинской помощи. Подобные требования может предъявлять не только сам пострадавший пациент, но и члены его семьи, если ненадлежащим оказанием медицинской помощи лично им были причинены нравственные или физические страдания. Таким образом, все потерпевшие в соответствующем деликтном обязательстве рассматриваются в качестве первичных².

¹ Определение ВС РФ № 15-КГ22-1-К1 от 21 июня 2022 г.

² Здесь также следует упомянуть п. 44 Постановления Пленума № 33, согласно которому в случае незаконного проведения обыска или выемки требование о компенсации морального вреда может быть заявлено не только лицом, в отношении которого осуществлялись следствен-

Характер ответственности за совместное причинение морального вреда

Совместное причинение морального вреда по общему правилу влечет солидарную ответственность причинителей, за исключением случаев, когда потерпевшим заявлено требование о взыскании компенсации в долевом порядке (абз. 1 п. 34 Постановления Пленума № 33). В этой части Пленум фактически воспроизвел положение пункта 1 статьи 1080 ГК РФ, не разъяснив критерии совместности. Между тем в доктрине и судебной практике данный вопрос является дискуссионным [3, 8, 20].

Длительное время преобладало мнение о том, что совместным является причинение единого (неделимого) вреда в результате действий нескольких лиц. Затем под влиянием уголовно-правового института соучастия к этому объективному признаку совместности стали добавлять субъективный критерий – наличие единого умысла у сопричинителей. Такой подход был непосредственно связан с судебной практикой применения солидарной имущественной ответственности за вред, причиненный преступлением.

Для гражданского правонарушения имеет значение следующая правовая позиция Верховного Суда РФ: признаками совместного участия являются согласованность, скоординированность и направленность действий на реализацию общего для всех действующих лиц намерения³. Здесь заметен акцент на наличие умысла в действиях нарушителей, хотя прямого указания на данную форму вины нет. По сути, такой подход совпадает с позицией Президиума ВАС РФ применительно к спорам о возмещении вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) нескольких государственных органов или должностных лиц⁴.

ные действия, но и иными лицами, проживающими в соответствующем жилом помещении.

³ О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 нояб. 2017 г. № 49. П. 9.

⁴ Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о возмещении вреда, причиненного государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами: информационное письмо Президиума ВАС РФ от 31 мая 2011 г. № 145 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». П. 14.

Общее намерение рассматривается лишь как частный случай совместного характера действий. И хотя цели гражданско-правовой ответственности могут быть достигнуты при наиболее широком понимании совместности причинения, признак «общности намерения» закрепляется в актах судебного толкования, относящихся к разным видам специальных деликтов. Так, к примеру, правило пункта 6.1 статьи 1252 ГК РФ о солидарной ответственности применяется в случаях, когда нарушение исключительного права имело место в результате совместных действий нескольких лиц, направленных на достижение единого результата¹.

Еще один нюанс: при буквальном толковании части 1 статьи 1080 ГК РФ к солидарной ответственности должны привлекаться лишь непосредственные причинители вреда. Иные субъекты ответственности – так называемые лица, ответственные за вред, – не могут нести солидарную ответственность. Ряд разъяснений Верховного Суда РФ сориентировал на именно буквальное толкование, но в вопросе о том, кого следует относить к указанным лицам, подход не всегда однозначен. С дополнением статьи 1080 ГК РФ пунктом 3 не только субъективный критерий не получил закрепления как общий критерий совместности, но и один из объективных (причинная связь) подвергся расширению².

Остается только сожалеть, что проблемы основания солидарной ответственности за причинение морального вреда не получили никакого решения в Постановлении Пленума № 33. Тем более что в конкретных случаях некорректные разъяснения о солидарной ответственности за причинение морального вреда можно обнаружить в судебных актах самого Верховного Суда РФ. В частности, в кассационном определении по уголовному делу в отношении нескольких обвиняемых (соучастников) Вер-

ховный Суд РФ упрекнул нижестоящие суды в том, что при рассмотрении гражданского иска потерпевшего о компенсации морального вреда, причиненного преступными действиями нескольких лиц, компенсация была взыскана в солидарном порядке, без учета того, что «такой порядок предусмотрен ст. 1080 ГК РФ только при ответственности за совместно причиненный материальный вред». По мнению Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, в силу статьи 151 и пункта 2 статьи 1101 ГК РФ судам следовало учесть степень вины каждого из причинителей вреда и взыскать компенсацию в долевом порядке, руководствуясь при этом требованиями разумности и справедливости³.

Пленум также не высказался о характере ответственности иных соучастников преступления, например подстрекателей и пособников. Являются ли они солидарно обязанными должниками, вместе с исполнителем преступления, либо отвечают за причиненный моральный вред в долях? В зарубежных правовых системах данный вопрос, как правило, урегулирован непосредственно в законе⁴. В качестве «временного решения» и для обеспечения единообразия в судебной практике, возможно, следовало сформулировать в Постановлении Пленума № 33 какую-либо позицию, поскольку суды испытывают трудности в определении характера гражданско-правовой ответственности соучастников преступления⁵.

³ См.: Кассационное Определение ВС РФ от 26 мар. 2019 г. № 50-УД19-2, включено в Обзор судебной практики Верхов. Суда РФ № 3 за 2019: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 ноября 2019 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ См., например: ст. 1169 Гражданского кодекса Китайской Народной Республики (принят 28 мая 2020 г., вступил в силу с 01.01.2021 г.), согласно которой лицо, склонившее другого к причинению вреда или оказавшее содействие в причинении вреда, должно возместить его солидарно с причинителем вреда. Текст кодекса (англ.) доступен по ссылке: URL: <https://www.chinalawtranslate.com/en/civilcode>.

⁵ См.: Определение ВС РФ № 51-кпо02-27 от 4 сент. 2002 г. (отменен приговор по уголовному делу о разбойном нападении, поскольку судами необоснованно освобожден от возмещения вреда один из соучастников преступления – пособник); Определение ВС РФ № 48-О07-35 от 19 июня 2007 г. (приговор по делу о разбойном нападении и покушении на убийство отменен в части гражданского иска, поскольку лицо, непосредственно не причинившее вред – пособник, не может нести солидарную ответственность с непосредственными причинителями вреда – исполнителями).

¹ О применении части четвертой части Гражданского кодекса РФ: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апр. 2019 г. № 10 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». П. 71.

² Проблема оснований солидарной ответственности затрагивалась в Постановлении Конституционного Суда РФ от 7 апр. 2015 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 1064 ГК РФ и пункта «а» части 2 статьи 166 Уголовного кодекса РФ в связи с жалобой гражданина В. В. Кряжева». В результате, ст. 1080 ГК РФ была дополнена новым правилом, которое фактически позволяет считать лиц, действовавших независимо друг от друга, сопричинителями (совместно причинившими вред).

Вопросы правопреемства в обязательстве по компенсации морального вреда

В пунктах 8 и 9 Постановления Пленума № 33 воспроизводится сложившаяся в судебной практике¹ и преобладающая в юридических комментариях позиция о том, что право требовать компенсации морального вреда неразрывно связано с личностью потерпевшего (в том числе при нарушении прав потребителя), поэтому не может быть объектом уступки или наследственного правопреемства (п. 1 ст. 6, ст. 383, абз. 2 ст. 1112 ГК РФ). Однако в случае присуждения потерпевшему денежной суммы компенсации последний вправе распорядиться соответствующим требованием. Неполученная сумма денежной компенсации также входит в состав наследства.

Вопреки предлагаемой в литературе концепции большей оборотоспособности права на компенсацию морального вреда [22, с. 90–91], Пленум сделал выбор в пользу более традиционного подхода, возможно, по соображениям сдерживания количества исков о компенсации морального вреда. Логичным продолжением этого подхода является разъяснение в пункте 10 Постановления Пленума № 33 о том, что требование о компенсации морального вреда, предъявленное в защиту нематериальных благ уже умершего лица, по общему правилу не подлежит удовлетворению.

В проекте Постановления Пленума № 33 также предлагалось ограничить наследственное правопреемство на стороне лица, обязанного возместить причиненный моральный вред (абз. 3 п. 9), без какого-либо убедительного нормативного обоснования. Между тем нет никаких причин считать данное обязательство (долг) строго личным. Так, малолетний наследник в пределах полученной по наследству доли вполне способен отвечать по долгам наследодателя, если последний являлся делинквентом (например, причинил вред здоровью пешехода при совершении ДТП и впоследствии умер, не успев его возместить). При обсуждении проекта кафедрой гражданского права СПбГУ одним

из авторов данной статьи было предложено дополнить пункт 9 следующим положением: «В случае смерти причинителя морального вреда, не исполнившего возложенную на него судом обязанность денежной компенсации указанного вреда, эта обязанность переходит к его наследникам в пределах стоимости перешедшего к ним наследственного имущества (п. 1 ст. 1175 ГК РФ)». Само же разъяснение, касающееся невозможности правопреемства в случае смерти делинквента, причинившего моральный вред, предлагалось исключить. В окончательную редакцию Постановления Пленума № 33 спорный абзац 3 не был включен.

Как выяснилось впоследствии, в Постановлении Пленума № 33 не был прокомментирован еще один интересный вопрос – о возможности компенсации морального вреда в связи с нарушением личных неимущественных прав (интересов) еще не родившегося ребенка. В 2023 году Конституционный Суд РФ при рассмотрении соответствующей жалобы потерпевшего пришел к выводу, что положения пункта 2 статьи 17 ГК РФ о возникновении правоспособности гражданина в момент рождения не предполагают безусловный отказ в компенсации морального вреда, причиненного ребенку, родившемуся после смерти его отца². Более того, по мнению Конституционного Суда РФ, в подобных случаях факт нарушения личных неимущественных прав ребенка (на общение с родителем) является явным, поэтому наличие морального вреда может предполагаться³. Верховный Суд РФ, очевидно, в своей дальнейшей практике будет придерживаться этой позиции.

1.3. Способ и размер компенсации.

Выплата компенсации по соглашению сторон

В пункте 24 Постановления Пленума № 33 имеется некоторая недосказанность. С одной стороны, несмотря на общее правило пункта 1 статьи 1101 ГК РФ о денежной форме компенсации морального вреда, допускаются и иные

¹ О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 8 нояб. 2022 № 31. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». П. 69.

² Вследствие противоправных действий другого лица.

³ По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 17 Гражданского кодекса РФ в связи с жалобой гражданки М.В. Григорьевой: Постановление Конституционного Суда РФ от 2 мар. 2023 № 7-П. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

способы компенсации: передача имущества в собственность потерпевшего, оказание ему услуг, осуществление ухода и пр. Более того, замена денежной компенсации на «натуральное» возмещение не исключена даже на стадии исполнительного производства. Подобную вариативность можно объяснить действием гражданско-правовых принципов автономии воли, свободы договора (п. 2 ст. 1, ст. 421 ГК РФ). Если сам потерпевший выразил согласие на получение неденежной компенсации, видимо, нет причин не считаться с его волеизъявлением.

С другой стороны, факт выплаты потерпевшему компенсации в добровольном порядке (как в денежной, так и в натуральной форме) не исключает, по мнению Пленума, возможность последующего взыскания компенсации в судебном порядке, если ранее предоставленная компенсация является неполной¹. Пленум прямо не упоминает о той ситуации, когда между потерпевшим и причинителем вреда заключено письменное соглашение о компенсации морального вреда, по условиям которого потерпевший считает согласованную сумму компенсации достаточной и отказывается от каких-либо иных претензий к причинителю вреда. Можно ли рассматривать подобное соглашение и его последующее добровольное исполнение обязанным лицом в качестве основания прекращения деликтного обязательства (ст. 408 ГК РФ)? В судебной практике можно встретить прямо противоположные подходы.

В одном случае родители обратились с иском к Обществу о взыскании компенсации морального вреда, ссылаясь на гибель сына вследствие несчастного случая на строительной площадке ответчика. Между сторонами ранее было заключено соглашение о выплате компенсации по 500 тыс. руб. в пользу каждого потерпевшего; соответствующие выплаты произведены. Истцы утверждали о том, что в момент заключения соглашения находились в болезненном состоянии и не могли адекватно оценить характер страданий. Суд первой инстанции пришел к выводу о прекращении обя-

зательств Общества и отказал в иске. Апелляционная и кассационная инстанции с этим не согласились, указав, что по смыслу статьи 151 и пункта 2 статьи 1101 ГК РФ размер компенсации морального вреда определяется судом в соответствии с указанными в законе критериям «вне зависимости от размера, установленного соглашением сторон». Положения статьи 408 ГК РФ, по мнению апелляционной и кассационной коллегий, не применимы к обязательствам из причинения вреда. В пользу каждого из истцов было дополнительно взыскано по 500 тыс. руб.²

В другом случае потерпевшие обратились с иском к Обществу и К.Д. о взыскании компенсации морального вреда, причиненного вследствие гибели близких в ДТП. Суды первой и апелляционной инстанции отказали в иске со ссылкой на исполнение обязательства одним из солидарных должников (п. 1 ст. 325 ГК РФ). Установлено, что ранее между Обществом и истцами было заключено соглашение о добровольной компенсации вреда, в котором определены размеры и сроки выплаты компенсации каждому из потерпевших. Данное соглашение исполнено Обществом в полном объеме, что влечет прекращение соответствующего обязательства (ст. 408 ГК РФ). Суды также отметили, что по условиям соглашения «потерпевшие не имеют к Обществу претензий о компенсации морального вреда в большем размере, в судебные органы по данному основанию обращаться не намерены»³.

Позиция о том, что исполнение соглашения о добровольном возмещении вреда влечет прекращение соответствующего деликтного обязательства, встречается и в практике арбитражных судов⁴.

Противоречивость в вопросе о правовых последствиях заключения и исполнения соглашения о возмещении вреда / компенсации мо-

¹ Если с учетом обстоятельств дела и норм ст. 151, ст. 1101 ГК РФ суд придет к выводу, что «ранее полученная потерпевшим компенсация не позволяет в полном объеме компенсировать причиненные физические или нравственные страдания» (цитата из п. 24 Постановления Пленума № 33).

² Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 18 февр. 2020 г. № 88-2747/2020.

³ Апелляционное определение Свердловского областного суда от 2 окт. 2018 г. № 33-16841/2018.

⁴ См.: постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 29 июля 2019 г. № Ф03-2820/2019. Суд пришел к выводу, что соглашение о добровольном возмещении вреда закону не противоречит и недействительным не признано, поэтому его исполнение должником в силу п. 1 ст. 408 ГК РФ влечет прекращение соответствующего обязательства.

рального вреда присутствует и в литературе. Профессором М. Н. Малеиной высказано мнение, что наличие соглашения о компенсации неимущественного вреда не лишает потерпевшего права обратиться в дальнейшем в суд с иском. Соотношение соглашения и судебного решения видится следующим: если определенная судом сумма компенсации превышает ранее выплаченную по соглашению, суд взыскивает с ответчика разницу; если же размер компенсации определен судом ниже суммы, выплаченной по соглашению сторон, у потерпевшего не возникает обязательства по возврату излишне выплаченной суммы. Во избежание возможных претензий о возврате неосновательного обогащения предлагается внести в статью 1109 ГК РФ соответствующее дополнение [14, с. 12–13]. Другие авторы, напротив, обосновывают правопрекращающий эффект исполнения подобных соглашений между потерпевшим и причинителем вреда [1, с. 7; 7, с. 7].

Не предвещая исход теоретической дискуссии, отметим лишь, что Верховный Суд РФ в своей практике уже сталкивался с вопросом о правовых последствиях соглашения о добровольной компенсации морального вреда, правда, в контексте трудового спора.

С. обратился с иском к акционерному обществу (работодатель) о компенсации морального вреда, причиненного вследствие профессионального заболевания. Решением суда, оставленным без изменения апелляционной инстанцией, иск удовлетворен. Отменяя судебные акты по делу, Верховный Суд РФ указал, что в соответствии со статьей 237 ТК РФ моральный вред, причиненный работнику неправомерными действиями работодателя, возмещается в размере, определенном соглашением сторон трудового договора, а в случае возникновения спора – в размере, определенном судом. Судами не учтено, что в данном случае между истцом и ответчиком было заключено соглашение о компенсации морального вреда, в котором С. подтвердил, что причиненный ему моральный вред будет компенсирован ему в полном объеме в случае выплаты 38 470 руб. Работодателем произведена выплата указанной суммы в согласованный срок, что влечет прекращение обязательства. В материалах дела нет доказательств, указывающих на наличие спора между

*сторонами по поводу размера компенсации в момент заключения соглашения*¹.

Сам по себе характер спора (трудовой), на наш взгляд, не должен быть поводом для иной трактовки правовых последствий исполнения соглашения о добровольной компенсации морального вреда. Трудовой кодекс РФ² не содержит определения морального вреда, не устанавливает критериев размера компенсации; нет никаких оснований считать, что содержащиеся в нем нормы о компенсации морального вреда образуют какой-либо самостоятельный правовой институт, отличный от гражданско-правового. Очевидна непоследовательность Верховного Суда РФ в решении данного вопроса.

Сформулированная Пленумом позиция об отсутствии правопрекращающего эффекта у соглашения о добровольной компенсации морального вреда, на первый взгляд, обеспечивает потерпевшим дополнительные гарантии – в случае неверной оценки тяжести причиненных страданий, поспешности в урегулировании конфликта с делинквентом. Однако применительно к «врачебным делам» такое решение имеет и отрицательные стороны, в частности, не стимулирует субъектов медицинской деятельности к внесудебному урегулированию споров с пострадавшими пациентами (их близкими); формально позволяет потерпевшему обратиться в суд за выплатой компенсации по прошествии значительного периода времени³, когда необходимые медицинские документы могут быть уже утрачены или уничтожены. Думается, что подход судов к оценке подобных соглашений должен быть более гибким. Например, в случае заключения соглашения по прошествии достаточного времени с момента причинения морального вреда, с участием юриста на стороне потерпевшего или в нотариальной форме, а также при отсутствии пороков воли (обмана, принуждения и т.п.) переоценка судом размера компенсации морального вреда нецелесообразна.

¹ Определение ВС РФ № 47-КГ15-15 от 4 апр. 2016 г.

² Трудовой кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 19.12.2022 г. № 545-ФЗ). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ В силу ст. 208 ГК РФ исковая давность не распространяется на требования о защите личных неимущественных прав и других нематериальных благ.

2. Отдельные случаи компенсации морального вреда

2.1. Незаконное уголовное и административное преследование, а также иные незаконные действия (бездействие) публичных субъектов

Компенсация морального вреда как универсальный способ защиты прав гражданина во взаимоотношениях с публичными субъектами

Пленум Верховного Суда РФ сформулировал правовые позиции, которые можно расценить как прорыв в применении рассматриваемого способа защиты в случае нарушения личных неимущественных прав гражданина вследствие незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов (п. 37–45 Постановления Пленума № 33). При этом ценно, что предложенным толкованием преодолевается архаика требующих обновления статей 1069 и 1070 ГК РФ, утверждается системный подход к противоправным (незаконным) действиям и бездействию публично-правовых субъектов, повлекшим причинение вреда [5].

Категория незаконных действий (бездействие) государственных и иных властных органов и должностных лиц (именуемая в доктрине обобщенно как «незаконные акты власти») как в общем понимании (ст. 1069 ГК РФ), так и в специальном (п. 1 ст. 1070) толкуется во взаимосвязи и системном единстве с нормами УПК РФ и КоАП РФ, определяющими пределы соответствия закону причинивших моральный вред потерпевшему актов власти.

Если незаконными актами власти нарушены личные неимущественные права и (или) имело место посягательство на нематериальные блага потерпевшего, моральный вред является юридически значимым, если же нарушены имущественные права, моральный вред потерпевшего по общему правилу юридически безразличен и компенсации не подлежит – исходя из положений статьи 1069 и пункта 2 статьи 1099 ГК РФ, рассматриваемых во взаимосвязи. Вместе с тем моральный вред, связанный с имущественным правонарушением, все же подлежит компенсации, если оспоренные дей-

ствия (бездействие) повлекли последствия в виде нарушения личных неимущественных прав граждан.

Сформулированная Пленумом Верховного Суда РФ в общих положениях позиция о том, что нарушение имущественных прав гражданина может одновременно повлечь нарушение его личных неимущественных прав и, соответственно, причинить ему моральный вред (п. 1 и 2 Постановления № 33), применима и к незаконным актам власти. В подобных случаях субъективный фактор будет иметь решающее значение. В частности, могут быть приняты во внимание условия проживания потерпевшего, уровень его дохода, нуждаемость в мерах социальной (государственной) поддержки и т.д.

Гражданин обратился с иском к Федеральной службе судебных приставов (далее – ФССП), Банку ВТБ и Сбербанку России о компенсации морального вреда, причиненного необоснованным списанием денежных средств со счета. Вследствие частичного совпадения персональных данных истца с данными должника по исполнительному производству, а также из-за невнимательности судебного пристава-исполнителя, со счета истца в указанных выше банках неоднократно списывались денежные средства, даже уже после направления в адрес ФССП соответствующей жалобы. Судами иск удовлетворен, с ФССП за счет средств казны Российской Федерации взыскана компенсация в сумме 45 тыс. руб. Доводы ответчика о том, что были нарушены лишь имущественные права истца, отклонены со ссылкой на пункты 4 и 14 Постановления Пленума № 33, поскольку «нарушение имущественных прав истицы сопровождалось существенными ограничениями её возможностей в пользовании банковскими счетами и приобретении всего необходимого для поддержания нормальной жизнедеятельности»¹.

Еще в одном случае Верховный Суд РФ, отменяя апелляционное определение по делу по иску Гришиной к ГКОУ для детей-сирот о

¹ Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 29 нояб. 2022 г. № 88-21631/2022. См. также: Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 12 янв. 2023 г. № 88-398/2023 по делу № 2-430/2022 (удовлетворен иск Л. к ФССП России о взыскании компенсации морального вреда в связи с неоднократным незаконным списанием денежных средств со счета).

взыскании суммы недополученной социальной пенсии по случаю потери кормильца и компенсации морального вреда, указал на необоснованность отказа в иске в части компенсации морального вреда. Апелляционной инстанцией не была учтена тесная связь между нарушенным имущественным правом Гришиной (на получение социальной пенсии) и ее немущественным интересом в поддержании достойного уровня жизни, а также наличие у истицы статуса лица, оказавшегося в тяжелой жизненной ситуации¹.

Другой пример защиты прав любого лица, претерпевшего физические и (или) нравственные страдания при нарушении немущественных прав и посягательстве на нематериальные блага незаконным актом власти, дан в разъяснении, которое касается причинения морального вреда в связи с незаконным проведением обыска или выемки. Право на компенсацию морального вреда в этих случаях имеют не только лица, в отношении которых был санкционирован обыск, выемка, но и иные лица, проживающие в жилом помещении, где производились данные незаконные действия при условии, что нарушение их прав нанесло им моральный вред (п. 44 Постановления Пленума № 33). Неясно, правда, почему не указаны в числе иных лиц собственники жилых помещений, независимо от проживания в них².

Вина как условие компенсации морального вреда, причиненного незаконными актами власти

Верховный Суд РФ не отказался от идеи необходимости «установления вины» государственного органа, органа местного самоуправления и должностных лиц этих органов в контексте исков о компенсации морального вреда, причиненного незаконными актами власти

¹ Определение ВС РФ № 66-КГ19-8 от 9 сент. 2019. Несмотря на то что ответчиком в данном случае выступало государственное казенное учреждение (дом-интернат для детей-сирот), очевидно, что ответчик выполнял публичные функции – выступал в качестве опекуна несовершеннолетнего, обеспечивал получение подопечным причиняющихся ему мер социальной поддержки.

² Определение ВС РФ № 47-КГ17-6 от 6 июня 2017 г. См. также: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Денисенко Л. И. на нарушение ее конституционных прав статьями 1069 и 1070 ГК РФ: Определение Конституционного Суда РФ от 2 нояб. 2011 г. № 1463-О-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

(ст. 1069, 1099 ГК РФ)³. Между тем действие принципа вины в данных деликтах давно воспринимается как фикция. Если доказано, что причинивший вред акт власти является непропорциональным, суд фактически устраняется от исследования вины государственного органа или иного публичного субъекта [15, с. 14]. Таким образом, в практике российских судов признание акта власти незаконным расценивается и как подтверждение виновности делинквента. В результате ответственность, регулируемая статьей 1069 ГК РФ, по сути, становится ответственностью независимо от вины при формальном признании ее необходимости. Именно это правовое явление постепенно становится перспективным вектором развития компенсационного законодательства. Так, в разработанном проекте модельного закона для государств – участников СНГ «Об обязательствах вследствие причинения вреда», получившем положительную оценку национальных законодательных органов, закреплено правило об ответственности публично-правовых образований за причиненный вред независимо от вины соответствующих государственных органов, органов местного самоуправления и их должностных лиц, если в установленном национальным законодательством порядке соответствующие действия (бездействие) признаны незаконными⁴.

Если применительно к потребительским спорам Пленум Верховного Суда РФ запрещает судам отказывать во взыскании морального вреда в случае установления факта нарушения прав потребителя, почему в гораздо более вредоносных с психологической стороны случаях для потерпевшего, которому нанесен моральный вред незаконным актом власти, требуется упоминать об установлении вины как обязательном условии ответственности?

Возможно, такой подход связан с неточной интерпретацией выводов Конституционного Суда РФ в Постановлении от 15.07.2020 № 36-П по жалобам граждан Р. А. Логинова и Р. Н. Шарфутдинова. В своей жалобе заявители оспаривали конституционность статей 15, 16, пунк-

³ П. 37, 41 Постановления Пленума № 33.

⁴ Проект подготовлен в рамках договора между ФГБОУ ВО СПбГУ и Секретариатом Совета МПА государств-участников СНГ по разработке проекта модельного закона «Об обязательствах вследствие причинения вреда» от 3 сент. 2021 г. № 246-д. Разработчики проекта – А. К. Губаева, А. Д. Рудоквас.

та 1 статьи 151, статей 1069 и 1070 ГК РФ в той мере, в которой они препятствуют лицам, в отношении которых производство по делу об административном правонарушении было прекращено по реабилитирующим основаниям (отсутствие события или состава правонарушения и пр.), требовать от государства возмещения расходов на юридическую помощь и компенсации причиненного морального вреда. Конституционный Суд РФ согласился с заявителями в том, что доказанность незаконности действий должностных лиц и их вины в подобных случаях не является обязательным условием возмещения расходов на оплату услуг защитника и иных издержек, связанных с производством по делу об административном правонарушении. Однако в части компенсации морального вреда суд указал на необходимость по общему правилу вины как условия ответственности государства. Думается, однако, что Конституционный Суд РФ не имел в виду, что применительно к деликтам власти следует отступать от общего правила пункта 2 статьи 1064 ГК РФ о презумпции вины причинителя вреда и, соответственно, обязанности публичного субъекта приводить доказательства своей невиновности. Если в судебном акте резюмируется, что материалами дела подтверждены требуемые факты, в том числе «установлена вина» публичного субъекта, это означает, что отсутствуют доказательства его невиновности в незаконном действии (бездействии), причинившем вред потерпевшему.

«Новые» виды деликтов власти, при которых вред компенсируется независимо от вины должностного лица

Исключение из принципа вины при применении пункта 1 статьи 1070 ГК РФ дополнено «новыми» видами специальных деликтов (в п. 38 Постановления Пленума № 33). Новыми они могут считаться условно, применение в их отношении оснований и порядка взыскания вреда, как имущественного, так и морального, предусмотренных пунктом 1 статьи 1070, абзацем 3 статьи 1100 ГК РФ, оказалось возможным благодаря многочисленным постановлениям Конституционного Суда РФ. В течение уже длительного времени необходимые изменения в статью 1070 ГК РФ законодателем не вносятся. Имеющийся пробел в законодательном ре-

гулировании компенсируется расширением случаев безвиновной ответственности в практике Конституционного Суда РФ, а теперь – и в разъяснениях Верховного Суда РФ.

В итоге, кроме незаконных актов власти, влекущих возмещение вреда (в том числе компенсацию морального вреда) в сфере деятельности правоохранительных органов и суда, которые прямо указаны в пункте 1 статьи 1070 ГК РФ, Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении № 33 дает неполный перечень санкционированных Конституционным Судом РФ иных случаев причинения морального вреда незаконными актами власти, связанных с незаконным уголовным или административным преследованием потерпевшего. В общей форме разъяснено, что независимо от вины указанных должностных лиц судом может быть взыскана компенсация морального вреда, причиненного гражданину незаконным применением любых иных мер государственного принуждения, в том числе не обусловленных привлечением к уголовной или административной ответственности (ст. 2, ч. 1 ст. 17 и ч. 1 ст. 21 Конституции РФ, п. 1 ст. 1070, абз. 3 и 5 ст. 1100 ГК РФ)¹.

К числу таких мер государственного принуждения отнесены, в частности: незаконное задержание в качестве подозреваемого в совершении преступления (ст. 91 УПК РФ); незаконное административное задержание на срок не более 48 часов как мера обеспечения производства по делу об административном правонарушении (ч. 3 ст. 27.5 Кодекса РФ об административных правонарушениях); незаконное помещение несовершеннолетнего в центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел (ст. 22 Федерального закона от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»); производство в жилище обыска или выемки, признанных впоследствии незаконными (ст. 12 УПК РФ).

Вызывает сомнение применение слов «и другие» по окончании приведенного неполного перечня незаконных властных действий. В абзаце 5 статьи 1100 ГК РФ речь идет о других случаях безвиновной ответственности за причиненный моральный вред, предусмотр-

¹ П. 38 Постановления Пленума № 33.

ренных исключительно законом. Конкретно законом (нормами гражданского права) данные случаи взыскания морального вреда независимо от вины причинителя не предусмотрены. Несмотря на указанное замечание, основанное на нормах позитивного права, нельзя не приветствовать правовые позиции Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ по поводу применения в случаях «любых иных мер государственного принуждения» усеченного состава деликта для возложения гражданско-правовой ответственности. При этом следует констатировать отставание законодательного регулирования от современных потребностей усиления судебной защиты гражданских прав.

В разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ подтверждается подход, уже сложившийся в судебной практике по делам о компенсации морального вреда, причиненного условно обозначенными в доктрине «промежуточными» актами власти (например, при отмене меры пресечения в виде заключения под стражу в связи с переквалификацией содеянного на менее тяжкое обвинение). Ответственность за подобные незаконные акты не зависит от наличия оправдательного приговора, вынесенного в отношении гражданина, или постановления (определения) о прекращении уголовного дела по реабилитирующим основаниям либо решения органа предварительного расследования, прокурора или суда о полной реабилитации подозреваемого или обвиняемого¹. Не должно зависеть от наличия реабилитирующего акта по административному делу взыскание, например, компенсации за причинение морального вреда в результате незаконного административного задержания гражданина на срок не более 48 часов как меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении (часть 3 ст. 27.5 КоАП РФ) и в других случаях незаконного применения мер государственного принуждения при административном преследовании гражданина.

¹ П. 39 Постановления Пленума № 33.

См. также: Постановление ЕСПЧ от 15 июля 2002 г. по делу Калашников против России (Kalashnikov v. Russia), жалоба № 47095/99. URL: <https://european-court.ru/reshe-niya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/kalashnikov-pro-tiv-rossii-postanovlenie-evropejskogo-suda/>.

Компенсация морального вреда при незаконном административном преследовании

В соответствии с пунктом 41 Постановления № 33 защита прав гражданина (включая компенсацию причиненного ему морального вреда), в отношении которого дело об административном правонарушении прекращено по реабилитирующим основаниям, осуществляется по общим основаниям ответственности (ст. 1069 ГК РФ) или по специальным основаниям, в том числе независимо от вины причинивших вред государственных органов и должностных лиц (п. 1 ст. 1070 ГК РФ)². Приведенная позиция закрепляет расширительное толкование правила пункта 1 статьи 1070, в котором в качестве объективного признака деликта с участием потерпевшего гражданина названо лишь незаконное привлечение гражданина к административной ответственности в виде административного ареста.

Характеризуя в пункте 42 составляющие категории «моральный вред» применительно к случаям незаконного или необоснованного уголовного или административного преследования, Пленум Верховного Суда РФ основывается на достижениях доктрины о правах личности, применимой к правовому статусу гражданина России. Многие из составляющих морального вреда могут быть связаны с нарушением прав, относящихся к «ядру личности» [10]. В примерном перечне эмоциональных страданий перечисляются «страдания в результате нарушений со стороны государственных органов и должностных лиц прав и свобод человека и гражданина, в испытываемом унижении достоинства истца как добросовестного и законопослушного гражданина, ином дискомфортном состоянии, связанном с ограничением прав истца на свободу передвижения, выбор места пребывания, изменением привычного образа жизни, лишением возможности общаться с родственниками и оказывать им помощь». Можно говорить о том, что понимание морального вреда российским правоприменителем (как многоаспектного явления) приближается к тому, которое существует в зарубежном праве [17, с. 133–137].

² П. 41 Постановления Пленума № 33.

Критерии определения размера компенсации в случае незаконного уголовного или административного преследования (длительность применения мер принуждения, неоднократность, последствия для репутации потерпевшего и пр.)

Пленум Верховного Суда РФ детализировал и сделал более наглядными критерии определения размера компенсации применительно к исследуемым публичным деликтам.

Обобщая, отметим, что должны учитываться прежде всего обстоятельства, относящиеся к самому незаконному уголовному преследованию, в частности – тяжесть инкриминируемого истцу преступления и избранная мера пресечения. Кроме того, должны учитываться: обстоятельства, относящиеся к мерам государственного принуждения (длительность и условия содержания под стражей, однократность и неоднократность такого содержания, вид и продолжительность назначенного уголовного наказания, вид исправительного учреждения, в котором лицо отбывало наказание), их тяжесть для потерпевшего и длительность претерпевания; обстоятельства, относящиеся к личности потерпевшего как таковой (в частности, состояние здоровья, образ жизни и род занятий истца, привлекался ли истец ранее к уголовной ответственности); обстоятельства, относящиеся к его семейному статусу и родственным отношениям (нарушение поддерживаемых истцом близких семейных отношений с родственниками и другими членами семьи, лишение его возможности оказания необходимой им заботы), а также степень перенесенных страданий.

Причинение морального вреда несовершеннолетнему в случае его незаконного помещения в центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей¹ с учетом правовых позиций Конституционного Суда РФ² и Верховного Суда РФ (п. 38 Постановле-

ния Пленума № 33) также относится к случаям, когда вред возмещается независимо от вины публичного субъекта. Перечень обстоятельств, подлежащих учету при определении размера компенсации морального вреда, взыскиваемой в пользу несовершеннолетнего, основан на различных сравнениях, в том числе продолжительности нахождения в соответствующем центре, условий содержания в нем или условий проживания несовершеннолетнего в семье, возможности продолжения учебы, контактов с родителями, а равно иных обстоятельств, касающихся примененных правоограничений, имевших негативное или позитивное влияние на несовершеннолетнего (п. 45).

Компенсация морального вреда в случае необеспечения государством надлежащих условий содержания под стражей

В отличие от незаконного уголовного преследования и уголовного наказания, ограничение личных прав в случаях законного содержания гражданина под стражей или отбывания им наказания в местах лишения свободы само по себе не порождает права на компенсацию морального вреда (п. 43 Постановления Пленума № 33). Необходимо доказать нарушение соответствующим публичным субъектом (например, учреждением, исполняющим уголовное наказание) обязательных требований к условиям содержания под стражей или отбывания наказания в виде лишения свободы.

Следует также отметить, что если подозреваемый (обвиняемый, осужденный) пострадает вследствие нарушения условий содержания под стражей или условий содержания в исправительном учреждении, то он вправе обратиться за выплатой компенсации в соответствии со специальными нормами. Наблюдается тенденция развития деликтного права вне ГК РФ: в комплексных законодательных актах появляются нормы, устанавливающие новый механизм ответственности государства (выплату компенсаций) за нарушение условий содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений,³ а также условий

¹ Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [Электронный ресурс]: Федер. закон от 24 июня 1999 года № 120-ФЗ (в ред. от 21.11.2022 № 445-ФЗ). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». Ст. 22.

² По делу о проверке конституционности положений статей 1070 и 1100 Гражданского кодекса РФ и статьи 22 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» в связи с жалобой гражданки А.»: Постановление Конституционного Суда от 29 нояб. 2019 г. № 38-П. [Электрон-

ный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

³ О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений [Электронный ресурс]: Федер. закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ (в ред. от

отбывания наказания лицами, осужденными к лишению свободы¹. Российскому правопорядку уже известен сходный компенсационный механизм, предусмотренный для случаев причинения вреда гражданам в связи с нарушением права на доступ к правосудию или права на исполнение судебного акта в разумный срок².

В числе условий ответственности государства за нарушение условий содержания под стражей и содержания в исправительном учреждении можно выделить процессуальные и материальные. Компенсация присуждается исходя из требований заявителя, с учетом фактических обстоятельств допущенных нарушений, их продолжительности и последствий. Выплата компенсации не зависит от вины органа государственной власти, учреждения, их должностных лиц или государственных служащих.

Если потерпевшему присуждается вышеуказанная компенсация за нарушение условий содержания под стражей / условий отбывания наказания, он утрачивает право на компенсацию морального вреда (по правилам ст. 151, ст.1099–1101 ГК РФ), поскольку им был выбран иной, альтернативный механизм защиты нарушенных прав.

Следуя практике ЕСПЧ, Верховный Суд РФ высказывается в пользу презумпции наличия морального вреда у потерпевшего в случае установления судебным актом нарушения условий содержания под стражей, содержания в исправительных учреждениях. С учетом данной презумпции в контексте компенсационных средств правовой защиты денежная компенсация должна быть доступной любому фактическому или бывшему заключенному, которого содержали в бесчеловечных или унижающих

достоинство условиях и который обратился с соответствующей жалобой. Действие этой презумпции не позволит, например, поставить выплату компенсации в зависимость от способности заявителя доказать с помощью устных показаний существование морального вреда в форме эмоционального расстройства³.

На создание нового компенсационного механизма защиты прав задержанных, подозреваемых, осужденных, в случае нарушения условий содержания под стражей, в исправительных учреждениях, признанного облегчить указанным лицам доступ к правосудию, несомненно, оказала влияние в том числе практика ЕСПЧ. В то же время цивилистическая доктрина во взаимосвязи с административно-деликтной обуславливает установление и изменение нормативно-правовых пределов осуществления и защиты прав и свобод гражданина, ориентирует на необходимость достижения баланса интересов участников компенсационных отношений с участием государства, возникших вследствие причинения вреда незаконными актами власти.

2.2. Ненадлежащее оказание медицинской помощи

Интерес Верховного Суда РФ к спорам, связанным с ненадлежащим оказанием медицинской помощи (травмирование пациента в ходе операции, несвоевременная госпитализация, поздняя или неверная диагностика и пр.), легко объясним. Количество подобных дел в судах общей юрисдикции исчисляется тысячами⁴; для них характерны длительные сроки рассмотрения и значительные судебные издержки (например, оплата услуг экспертов); судебные решения часто обжалуются в апелляционном и кассационном порядке. Все это в совокупности приводит к перегруженности судов. Почти каждая правовая система сталкивается с аналогичными трудностями и ищет собственные пути их преодоления: создание специализированных судебных коллегий и дополнительное обучение судей – в Японии [25], перевод части споров в административные схемы компенса-

29.12.2022 № 590-ФЗ). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». Ст. 17¹

¹ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон от 8 янв. 1997 г. № 1-ФЗ (в ред. от 29.12.2022 № 590-ФЗ). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». Ст. 12¹

² О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок [Электронный ресурс]: Федер. закон от 30 апр. 2010 г. № 68-ФЗ (в ред. от 05.12.2022 № 477-ФЗ). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». Жалобы о нарушении права на судопроизводство и исполнение судебного акта в разумный срок, а также нарушении условий содержания под стражей и в исправительных учреждениях часто рассматриваются ЕСПЧ, они связаны с ответственностью государств за нарушение положений п. 3 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

³ Кассационное определение ВС РФ № 45-КАД 21-11-К7 от 25 авг. 2021 г.

⁴ Справочно-правовая система «Консультант Плюс» выдает более 2 тыс. дел при поиске по контексту «ненадлежащее лечение».

ции – в Великобритании, Франции [24, 28], развитие медицинских арбитражей и примирительных процедур – в Германии [27]. И хотя проблема исков из медицинской небрежности не является для России столь же острой, как для США, Японии или стран Европы, попытку Верховного Суда РФ разъяснить некоторые аспекты разрешения подобных споров можно лишь приветствовать.

Анализируя «врачебные дела» в контексте споров о компенсации морального вреда, следует принимать во внимание позиции Пленума, сформулированные как в общих положениях (например, п. 12, 18, 20, 21, 24 Постановления № 33), так и в разделе, посвященном отдельным случаям компенсации морального вреда (п. 48, 49 Постановления № 33).

Основания виновной и безвиновной (строгой) ответственности

В абзаце 1 пункта 12 воспроизводится общеизвестное правило о необходимости четырех условий для возложения ответственности за причинение вреда, из которых презюмируется лишь одно – вина делинквента (п. 2 ст. 1064 ГК РФ). Соответственно, три оставшихся условия, включая причинную связь, входят в предмет доказывания потерпевшего (истца). В отличие от зарубежного права, ГК РФ не предусматривает каких-либо специальных доказательственных презумпций в пользу пострадавшего пациента¹. Однако следует учитывать то обстоятельство, что в зарубежном законодательстве соответствующие нормы появились под влиянием судебной практики [27, pp. 1154–1155]. Можно предположить сходное развитие законодательства о возмещении вреда, причиненного ненадлежащим лечением, и в России². Уже

¹ Примеры специальных доказательственных презумпций в пользу пациента можно найти в законодательстве Германии и Эстонии. Так, в соответствии с § 630h Германского гражданского уложения в случае, если врачом допущена грубая ошибка (*grobe Behandlungsfehler*), способная причинить вред жизни или здоровью пациента, то предполагается, что эта врачебная ошибка стала причиной вреда. В свою очередь, согласно п. 3 ст. 770 Обязательственно-правового закона Эстонии если врач не документально надлежащим образом оказываемую медицинскую помощь, именно он обязан доказать наличие оснований, освобождающих его от ответственности за неблагоприятный исход лечения (например, отсутствие причинной связи).

² Имеется в виду более активная роль Верховного Суда РФ в формировании доказательственных презумпций.

встречаются примеры, когда «дефицит» информации в истории болезни пациента, препятствующий судебно-медицинскому эксперту сделать заключение относительно правильности лечения или наличия причинной связи, истолковывается в пользу истца (потерпевшего)³. Задачей Верховного Суда РФ является определение соответствующих подходов в практике нижестоящих судов и формулирование соответствующих правил доказывания.

В абзаце 4 пункта 12 упоминается ряд оснований, при которых компенсация морального вреда осуществляется независимо от вины причинителя вреда. Речь идет о причинении вреда источником повышенной опасности (ст. 1079 ГК РФ), а также причинении вреда жизни, здоровью или имуществу потребителя вследствие дефектов товаров, работ и услуг (ст. 1095 ГК РФ).

К сожалению, ни в указанном постановлении, ни в каких-либо иных разъяснениях по вопросам возмещения вреда Верховный Суд РФ не уточняет сферу применения § 3 главы 59 ГК РФ об ответственности производителя дефектной продукции⁴. Формально под действие правил данного параграфа подпадают любые услуги, в том числе медицинские. Доводы в пользу подобного подхода можно встретить как в литературе [13, с. 31], так и в отдельных судебных решениях⁵. Тем не менее строгий режим ответственности⁶ исполнителя медицинских услуг вызывает серьезные сомнения, он не характерен и для зарубежного права [26, с. 65–66]. Более того, в подавляющем большин-

³ Апелляционное определение Московского городского суда от 22 июня 2019 г. № 33-33830/2019. Удовлетворен иск пациента к центру эстетической хирургии со ссылкой на то, что ответчик не предоставил протоколы проведения операций, чем препятствовал проверке качества оказанных медицинских услуг.

⁴ В зарубежном праве соответствующий правовой институт известен как *Product Liability*. На уровне Евросоюза ответственность производителя дефектной продукции урегулирована одноименной директивой. Директива распространяет действие на реализацию товаров (*tangible things*) и передачу энергии. См.: Council Directive 85/374/EEC of July 25, 1985, on the approximation of the laws, regulations, and administrative provisions of the Member States concerning liability for defective products. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A31985L0374>.

⁵ Апелляционное определение Московского городского суда от 2 окт. 2019 г. № 33-15727/2019, по делу Б.И.А. в ГБУЗ «Детская городская поликлиника № 133».

⁶ От англ. «*Strict liability*». Имеется в виду ответственность независимо от вины, на началах риска.

стве случаев российские суды рассматривают вину субъекта медицинской деятельности как обязательное условие его ответственности¹.

Также не ясно, в каких случаях причиненный пациенту моральный вред должен компенсироваться по правилам статьи 1079 ГК РФ. Ограничиваются ли эти ситуации использованием медицинских лазеров, коагуляторов и иных технических средств либо к источникам повышенной опасности (ИПО) в медицине следует относить и другие предметы: вакцины, анестетики и сильнодействующие препараты, которые могут вызвать у пациента анафилактический шок или другие серьезные осложнения? Доктрина и судебная практика по данному вопросу остаются крайне неоднозначными.

Ряд авторов предлагают относить вакцины к ИПО в связи с наличием риска поствакцинальных осложнений даже при условии соблюдения всех медицинских стандартов и инструкций производителя вакцины [9, с. 64; 11, с. 33]. Встречаются судебные решения по спорам, связанным с поствакцинальными осложнениями (после БЦЖ, АКДС, Диаскинтеста и пр.), в которых компенсация морального вреда взыскивается со ссылкой на статью 1079 ГК РФ². Более того, в 2013 году сам Верховный Суд РФ отменил вынесенные по делу судебные акты, указав, что не были исследованы должным образом доводы истца об отнесении вакцинации БЦЖ-М к источнику повышенной опасности³.

Существует и противоположная судебная практика, в которой деятельность по вакцинации не признается ИПО. Судьи исходят из того, что поствакцинальные осложнения являются неизбежными и в то же время «одобренными» (уполномоченными органами в сфере здраво-

охранения) последствиями применения соответствующего препарата. На случай наиболее серьезных осложнений законодательством об иммунопрофилактике предусмотрена выплата государственных пособий⁴. Соответственно, при отсутствии вины в действиях медицинской организации (отсутствии противопоказаний для вакцинации, своевременном купировании возникших осложнений) в иске о возмещении вреда отказывают, предлагая воспользоваться мерами социальной поддержки.⁵ Справедливо указывается и на то, что причиной поствакцинальных осложнений у пациента являются не столько действия медицинских работников, сколько рецептурные (биологические, химические) свойства самой вакцины. Поэтому если и говорить о безвиновной ответственности за поствакцинальные осложнения, она должна формироваться в привязке к статье 1095 ГК РФ, а соответствующие иски потерпевших должны быть адресованы производителям и поставщикам (импортерам) небезопасных вакцин⁶.

В пункте 21 Пленум возвращается к вопросу компенсации морального вреда, причиненного ИПО, и указывает в качестве обязанного субъекта владельца соответствующего ИПО. Применительно к медицинской деятельности актуальным становится вопрос о субъектах ответственности за причинение вреда пациенту при использовании медицинских роботов (Artificial Intelligence, AI). В качестве примера можно сослаться на роботизированную хирургическую систему *Da Vinci*⁷, применяемую для проведения сложнейших кардиохирургических

¹ См.: определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 24 мар. 2021 г. № 88-3085/2021 по делу № 2-28/2020 (иск пациента к медицинской организации удовлетворен, поскольку ответчик «не представил доказательств отсутствия вины в причинении вреда пациенту»); апелляционное определение Саратовского областного суда от 9 февр. 2017 г. № 33-442/2017 (в иске к медицинской организации отказано, поскольку «установлено отсутствие вины ответчика в неблагоприятном исходе»).

² См., например: Решение Советского районного суда г. Брянска от 18 дек. 2009 г. (по иску Б. к МУЗ «Родильный дом № 2 г. Брянска»); Решение Анапского городского суда Краснодарского края от 24 июня 2011 г. по делу № 2-98/2011 (по иску Поздняковой к МУЗ «Родильный дом»). Тексты судебных решений размещены на сайте: <http://sovetsky.brj.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=216>.

³ Определение ВС РФ № 2-КГ13-4 от 26 июля 2013 г. по делу Шадринной в. МБОУ «Родильный дом»).

⁴ Об иммунопрофилактике инфекционных болезней [Электронный ресурс]: Федер. закон от 17.09.1998 № 157-ФЗ (в ред. от 02.07.2021 № 316-ФЗ). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». Ст. 18–21.

⁵ См.: решение Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга от 30 нояб. 2005 г. по иску О. к ФГУ УНИИ ОММ; апелляционное определение Алтайского краевого суда от 19 июня 2019 г. № 33-5469/2019 по иску П.М. к КГБУЗ «Городская больница им. Л.Я. Литвиненко» и МБОУ «СОШ № 10 г. Новоалтайска» (в обоих случаях иск родителей о компенсации морального вреда в связи с поствакцинальными осложнениями у ребенка оставлен без удовлетворения, со ссылкой на отсутствие дефектов медицинской услуги).

⁶ Судебная практика по искам потерпевших к фармацевтическим компаниям в России практически отсутствует. Как следствие, нет стимулов и для развития страхования ответственности производителей (поставщиков) лекарственных препаратов и вакцин.

⁷ Подробное описание этого медицинского робота доступно по ссылке URL: <https://robot-davinci.ru/>.

и нейрохирургических операций. Возможно ли привлечение к ответственности разработчика программного обеспечения, если имел место сбой в работе оборудования и отсутствовала небрежность в действиях хирурга, управлявшего роботом? На соответствующих медицинских сайтах можно найти информацию о статистике неблагоприятных исходов при проведении операций с применением роботов. Так, в период с 2000 по 2013 год в мире было проведено порядка 1,7 млн подобных операций (преимущественно в сфере урологии и гинекологии), при этом на каждые 100 тыс. операций приходилось около 550 случаев (0,5 %) осложнений, в том числе очень серьезных¹. Примечательно, что в проекте обновленной Директивы ЕС об ответственности производителя дефектной продукции предлагается распространить строгий режим ответственности также на поставщиков программного обеспечения (Digital manufacturing files and software) и субъектов, оказывающих сопутствующие услуги (Related digital service).² Возможно, что в обозримом будущем вопрос о субъектах ответственности при использовании AI привлечет внимание Верховного Суда РФ, причем не только в контексте медицинских деликтов.

Юридически значимая (причинная) связь между дефектами лечения и неблагоприятным исходом

В пункте 18 Пленум определил причинную связь в самом общем виде – как наступление негативных последствий (физических и нравственных страданий) вследствие противоправного поведения причинителя вреда. В этом определении нет указания на то, что подобная связь носит закономерный (необходимый) или предсказуемый характер, не осложнена какими-либо привходящими обстоятельствами. Иными словами, Верховный Суд РФ воздержался от того, чтобы отдать предпочтение какой-либо из существующих в отечественной или зарубежной доктрине теорий причинной связи – «необходимой и случайной», «прямой и косвенной»,

«адекватной причинной связи» и пр. [16]. Также не была воспроизведена позиция, ранее сформулированная Пленумом Верховного Суда РФ применительно к ответственности за нарушение обязательств, – о возможности презюмировать (предполагать) наличие причинной связи в случаях, когда кредитор требует возмещения таких убытков, которые являются обычным последствием допущенного должником нарушения³.

Применительно к «врачебным делам» такая лаконичность вряд ли благоприятно скажется на сроках и качестве их рассмотрения. Уже в течение нескольких лет формируется практика удовлетворения исков пациентов (их близких) к медицинским организациям о компенсации морального вреда при недоказанной прямой причинной связи между дефектами лечения и наступившими осложнениями и даже при доказанном (!) отсутствии такой связи. В судебных постановлениях по гражданским делам прочно вошла формулировка о наличии не прямой (косвенной) связи⁴ как достаточном основании для взыскания компенсации морального вреда [12, с. 72]. Пленум Верховного Суда РФ прямо не высказался по данному вопросу и своим «молчанием» фактически одобрил складывающуюся практику. Показательно следующее определение Верховного Суда РФ по конкретному делу.

Басова обратилась с иском к ГБУЗ «Сортавальская ЦРБ» о взыскании компенсации морального вреда в связи со смертью ее супруга, наступившей вследствие послеоперационных осложнений. Суды первой, апелляционной и кассационной инстанций в иске Басовой отказали, сославшись на заключение судебно-медицинской экспертизы об отсутствии прямой причинно-следственной связи между действиями медицинских работников и наступле-

¹ URL: <https://medrobot.ru/744-pechalnye-oshibki-meditsinskih-robotov.html>.

² Proposal for a Directive of the European Parliament and of the Council on liability for defective products. COM (2022), 495 final. Brussels, 28.9.2022. URL: <https://www.droit-technologie.org/wp-content/uploads/2022/09/Proposal-Directive-on-liability-for-defective-products-2.pdf>.

³ О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса РФ об ответственности за нарушение обязательств: Постановления Пленума Верховного Суда № 7 от 24 мар. 2016 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». П. 5.

⁴ См.: Определения Красноярского краевого суда от 16 дек. 2019 г. № 33-17381/2019, 10. февр. 2020 г. № 33-1935/2020; определения Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 6 нояб. 2019 г. № 88-34/2019; от 2 мар. 2020 г. № 88-2577/2020. Во всех перечисленных судебных актах сделан вывод о том, что наличие косвенной (опосредованной) причинной связи не исключает ответственность медицинской организации.

нием смерти супруга Басовой. Верховный Суд РФ с этим не согласился, указав, что законодательство не определяет, какой характер причинной связи (прямая или косвенная) является юридически значимым и достаточным для возложения ответственности за причинение вреда. Характер причинной связи, по мнению Верховного Суда РФ, может влиять на размер ответственности. Кроме того, нижестоящие суды неверно распределили бремя доказывания по делу, «фактически возложив на Басову обязанность по доказыванию обстоятельств, касающихся качества оказания медицинской помощи пациенту и наличия причинной связи между оказанной помощью и смертью пациента»¹.

В вышеприведенном определении примечательны два момента.

Во-первых, Верховный Суд РФ прямо высказался в пользу того, что юридически значимой в медицинских деликтах может быть даже косвенная связь. Достаточно уже того, что дефекты медицинской помощи могли (гипотетически) негативно повлиять на исход лечения, снизить шансы пациента на благоприятный исход и т.д. В литературе по судебной медицине также не сложилось единого мнения относительно значения косвенной (опосредованной) связи между дефектами лечения и неблагоприятным исходом [4, с. 45; 21, с. 8–9]. Очевидно, что для целей уголовного преследования юридическое значение имеет лишь прямая причинная связь². Ее отсутствие, как правило, исключает уголовную ответственность медицинского работника³. В свою очередь применительно к гражданским делам вопрос о характере юриди-

чески значимой связи остается открытым⁴, и разъяснения Пленума в этой части не добавляют ясности.

Во-вторых, в качестве ошибки нижестоящим судам вменено то обстоятельство, что на истца было возложено бремя доказывания наличия причинной связи между ненадлежаще оказанной медицинской помощью и наступлением смерти пациента⁵. К вопросу о распределении бремени доказывания в споре о компенсации морального вреда, причиненного ненадлежащим лечением, Пленум Верховного Суда РФ обращается в абзаце 2 пункта 48. На ответчика возлагается обязанность доказать наличие оснований для освобождения от ответственности за ненадлежащее оказание медицинской помощи, в частности «отсутствие вины..., а также отсутствие возможности при правильной организации лечебного процесса <...> избежать неблагоприятного исхода». Термин «причинная связь» не упоминается в данной формулировке, однако логическое толкование приводит к выводу, что именно ответчик (субъект медицинской деятельности) доказывает неизбежность неблагоприятного исхода, т. е. отсутствие его связи с допущенными дефектами лечения.

В пункте 48 Постановления Пленума разъясняется необходимость оценки того, повлияли ли дефекты оказания медицинской помощи на правильность диагностики и назначения соответствующего лечения – способствовали ухудшению состояния здоровья, повлекли неблагоприятный исход и т.д. Вместе с тем остается неясным, исключает ли доказанность данного обстоятельства (неизбежность летального исхода), при наличии дефектов медицинской помощи, удовлетворение иска к медицинской организации. Практика нижестоящих судов свидетельствует о том, что даже в этих случаях

¹ Определение ВС РФ № 75-КГ21-4-К3 от 21 февр. 2022 г.

² В соответствии с п. 9 Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека (утв. Постановлением Правительства РФ от 17 авг. 2007 г. № 522, в ред. от 17.11.2011), учитывается только вред, вызванный травмой и причинно с ней связанный.

³ Определение ВС РФ № 12-УДП22-4-К6 от 21 июля 2022 г. Приговор в отношении участкового врача-педиатра отменен, поскольку судами не исследованы доводы обвиняемого об отсутствии прямой причинной связи между допущенными дефектами диагностики и смертью пациента. См. также: Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 21 мая 2020 г. № 77-718/2020. В отношении врача, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК РФ, вынесен оправдательный приговор, поскольку допущенная им врачебная ошибка не находится в прямой причинной связи с летальным исходом.

⁴ На уровне подчиненных Минздраву России экспертных учреждений преобладает позиция о значимости (как для гражданского, так и для уголовного судопроизводства) лишь прямой причинной связи. См.: Порядок проведения судебно-медицинской экспертизы и установления причинно-следственных связей по факту неоказания или ненадлежащего оказания медицинской помощи. Методические рекомендации: утв. ФГБУ РЦСМЭ Минздрава России 21 июня 2017 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант».

⁵ Эта позиция, которая фактически перераспределяет бремя доказывания в пользу пациента, встречалась в практике Верховного Суда РФ и ранее. Она была включена в Обзор судебной практики № 2 за 2019: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 17 июля 2019 г. П. 2.

может быть присуждена компенсация морального вреда.

Г. обратилась с иском к областному клиническому центру (Центр) о возмещении ущерба и компенсации морального вреда. Иск мотивирован тем, что супругу истицы была оказана некачественная медицинская помощь, несвоевременно диагностировано заболевание в виде расслаивающейся аневризмы аорты (не проведена КТ-ангиография либо МРТ), что в конечном итоге привело к смерти пациента. Решением суда в иске отказано. Суд принял во внимание заключение судебно-медицинской экспертизы, в соответствии с которым ненадлежащие действия медицинских работников Центра в причинно-следственной связи с наступлением смерти пациента не состоят: «наступление смерти в связи с имевшимся у пациента заболеванием (расслаивающейся аневризмы грудной аорты) и его осложнением (разрыв стенки) в данном случае носило непреодолимый характер, шансов на благоприятный исход у пациента не имелось». Апелляционным определением, оставленным без изменения кассационной инстанцией, решение отменено, иск Г. удовлетворен, взыскана компенсация морального вреда в сумме 50 тыс. руб. Коллегия указала, что «установленные дефекты оказания медицинской помощи (не проведена КТ-ангиография или МРТ) являются достаточным основанием для взыскания компенсации морального вреда»¹.

Многие медицинские организации обжалуют судебные решения по искам, связанным с гибелью пациента в ходе медицинского вмешательства, именно со ссылкой на неизбежность летального исхода (в силу запущенности заболевания, неизлечимости болезни и т.д.), полагая, что отсутствие прямой причинной связи исключает их ответственность. Пленум, однако, не сформулировал четкую позицию по данной проблеме: должна ли компенсация морального вреда присуждаться и в этих случаях, влияют ли факторы летальности заболевания или тяжелого исходного состояния здоровья пациента (т. е. высокой вероятности смерти) на размер компенсации?

¹ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 28 сент. 2021 г. № 88-19950/2021, по делу № 2-3282/2020).

Субъекты обязательства по компенсации морального вреда

В пункте 48 Постановления Пленума № 33 говорится об ответственности медицинских организаций, а также медицинских и фармацевтических работников (!) за причинение вреда жизни и здоровью пациента при оказании ему медицинской помощи. Данное разъяснение, очевидно, следует толковать ограничительно, имея в виду в качестве субъектов, обязанных компенсировать причиненный моральный вред, лишь соответствующие медицинские организации и частнопрактикующих врачей, оказывающих медицинские услуги. В силу статьи 1068 ГК РФ вред, причиненный работником при исполнении трудовых (служебных, должностных) обязанностей, возмещается его работодателем. Эта норма практически дословно воспроизведена в пункте 20 Постановления Пленума № 33². Соответственно, конкретный врач или иной медицинский работник, допустивший ошибку и причинивший вред здоровью пациента, по общему правилу не считается субъектом гражданско-правовой (имущественной) ответственности перед потерпевшим³. Возможны ли исключения из этого правила?

Так, в зарубежной литературе активно обсуждается проблема ответственности работодателя перед третьими лицами в некоторых нетипичных ситуациях: при совершении работником умышленного преступления, в случае удаленного режима работы и пр. [23, pp. 39–40]. В отечественной доктрине и судебной практике дискуссии разворачиваются в основном приме-

² Аналогичная позиция ранее сформулирована в п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу», в соответствии с которым при совершении преступлений, связанных с причинением вреда работником организации при исполнении трудовых обязанностей (ч. 2 ст. 109, ст. ст. 143, 238 Уголовного кодекса РФ), к участию в деле в качестве гражданского ответчика привлекается юридическое лицо (работодатель).

³ Это не исключает право медицинской организации (работодателя) предъявить регрессное требование к виновному сотруднику на основании ст. 1081 ГК РФ. Однако в силу ст. 241 Трудового кодекса РФ по общему правилу материальная ответственность работника ограничена его среднемесячным заработком (кроме случаев умышленного причинения вреда, совершения преступления и т.д.). Применительно к «врачебным делам» работодатель имеет перспективу полного возмещения произведенных в пользу пациента выплат лишь в случае вынесения обвинительного приговора в отношении медицинского работника. См.: Определение ВС РФ № 25-КГ19-12 от 10 февр. 2020.

нительно к вопросу о том, исполнял ли работник в момент причинения вреда трудовые обязанности (находился на рабочем месте, использовал принадлежащие работодателю орудия труда и т.д.).¹ Примеры, когда суд считает допустимой имущественную ответственность врача перед пациентом, носят экстраординарный характер.

М. приговором суда осужден по пункту «в» части 2 статьи 238 УК РФ (оказание медицинских услуг, не отвечающих требованиям безопасности). В рамках уголовного дела удовлетворен гражданский иск потерпевшей Т. к М. о взыскании компенсации морального вреда в сумме 500 000 руб. Второй кассационный суд общей юрисдикции отменил приговор в части разрешения гражданского иска потерпевшей, указав на то, что в силу статьи 1068 ГК РФ вред в данном случае подлежит возмещению работодателем – медицинской организацией (ООО «М.»), в которой М. исполнял трудовые обязанности на момент совершения преступления.

Верховный Суд РФ, в свою очередь, отменил кассационное определение и указал, что ранее Т. уже обращалась с иском к ООО «М.» в порядке гражданского судопроизводства, однако производство по делу было прекращено в связи с исключением ООО «М.» из ЕГРЮЛ как недействующего юридического лица. В подобной ситуации, после исчерпания или объективной невозможности реализации установленных механизмов взыскания платежей с организации-работодателя, потерпевший вправе требовать возмещения вреда непосредственно от лица, совершившего преступление².

Пункт 49 Постановления Пленума № 33 определяет круг субъектов (потерпевших), наделенных правом требовать компенсацию морального вреда в случае ненадлежащего лечения. Соответствующий иск может быть предъявлен не только самим пациентом, но и членами семьи такого гражданина, если ненадлежащим оказанием медицинской помощи лично им причинены физические и нравственные страдания вследствие нарушения принадлежащих лично им неимущественных прав и нематери-

альных благ. Моральный вред может выражаться в заболевании или переживаниях, связанных с утратой родственника, вызванных наблюдением за его страданиями и осознанием того обстоятельства, что при надлежащей медицинской помощи близкого человека можно было бы спасти.

Несмотря на имеющийся в пункте 49 акцент на дефекты медицинской помощи, имевшие фатальные последствия (повлекшие смерть пациента), не следует думать, что члены семьи пациента вправе требовать компенсации морального вреда лишь в этих случаях. Судебная практика, включая определения Верховного Суда РФ по конкретным делам, свидетельствует об обратном.

Мешков, Морозова обратились с иском к городской больнице о взыскании компенсации морального вреда, ссылаясь на дефекты оказания медицинской помощи Мешкову – неверную диагностику заболевания (сообщение истцам диагноза онкологического заболевания вместо фактически имевшейся пневмонии), задержку в назначении необходимого лечения. Решением суда первой инстанции иск Мешкова удовлетворен, в его пользу взыскано 50 тыс. руб., в иске Морозовой отказано. Суд исходил из того, что ненадлежащее лечение, которое не привело к летальному исходу (утрате близкого человека), причиняет страдания лишь самому пациенту. Апелляционная инстанция с этой логикой не согласилась, решение было пересмотрено, иск Морозовой – также удовлетворен, взыскана компенсация в сумме 15 тыс. руб. Коллегия указала на то, что истцы являются родными братом и сестрой, других родственников у них нет; истица осуществляла уход за братом в течение всего периода болезни, возила в медицинские учреждения и контролировала прием назначенных препаратов³.

В практике Верховного Суда РФ также есть случаи, когда причинение вреда здоровью потерпевшего рассматривалось как достаточное основание для компенсации морального вреда его близким⁴.

Как видно из вышеприведенного примера из практики Красноярского краевого суда, наличие

¹ Определение ВС РФ № 305-ЭС18-16466 от 26 окт. 2021 г. по делу Евстигнеев в. ПАО «Сбербанк России».

² Кассационное определение ВС РФ № 5-УД22-91-К2 от 29 сент. 2022 г.

³ Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 1 мар. 2021 г. № 33-2566/2021, по делу № 2-958/2020.

⁴ Определение ВС РФ № 56-КГП19-7 от 8 июля 2019 г. по делу Нестеренко в. ОАО «Российские железные дороги».

у истца права на компенсацию морального вреда суд связал не только с фактом родственных отношений между истцом и пациентом (родной брат), но и с участием истца в уходе за пациентом, осуществлением контроля за ходом лечения.

Пленум Верховного Суда РФ воздержался от указания формальных критериев права на компенсацию – в виде состояния в браке, родства определенной степени, свойства (п. 49 Постановления Пленума № 33). Тем самым судам предоставлена дискреция в оценке того, испытывал ли конкретный истец (член семьи, родственник и пр.) физические и нравственные страдания в связи с неправильным лечением пациента и вправе ли он требовать компенсации морального вреда.

Размер компенсации морального вреда

В разделе «Способ и порядок компенсации» Постановления Пленума № 33 не указывается на возможность судов опираться на средние значения компенсаций, взыскиваемых судами по аналогичным спорам, в том числе разработанные профессиональными юридическими ассоциациями таблицы.¹ Вместо этого в пунктах 26–30 приводится обширный перечень обстоятельств, имеющих целью конкретизировать установленные законом критерии размера компенсации (ст. 151, п. 2 ст. 1101 ГК РФ). Осмелимся предположить, что подобная детализация критериев ничуть не упростит для судей выбор адекватной суммы компенсации, соразмерной характеру и тяжести причиненного морального вреда, и приведет лишь к удлинению мотивировочной части судебного акта². Мы по-прежнему будем сталкиваться с примерами, когда суммы присуждаемой компенсации за врачебную ошибку, повлекшую летальный исход, будут различаться в разы [2, с. 51–52].

Отсутствие таблиц средних значений также существенно затруднит страховщикам, осуществляющим деятельность в сфере страхования профессиональной ответственности, расчет экономически обоснованных страховых тари-

фов по соответствующим рискам. В обсуждаемом в литературе проекте Модельного закона об обязательном страховании профессиональной ответственности субъектов медицинской деятельности (для государств – членов СНГ)³ предлагается включить в страховое покрытие компенсацию морального вреда пациенту, поскольку 99 % исков пациентов или их близких включают данное требование. Экономическое обоснование возможности введения подобного страхования в качестве обязательного также предполагает определенность в некоторых базовых значениях компенсации – при причинении вреда небольшой или средней тяжести, тяжкого вреда или наступления смерти пациента⁴. Примечательно, что в тех странах, где существует обязательное (или вмененное) страхование ответственности субъектов медицинской деятельности или же страхование рисков пациента, страховщики используют при осуществлении страховых выплат соответствующие таблицы средних размеров компенсации⁵.

Заключение

Постановление Пленума № 33 в целом отражает сложившиеся в доктрине и судебной практике подходы к определению оснований и условий взыскания компенсации морального вреда, расчету справедливой суммы компенсации. Видна тенденция к расширению перечня оснований для присуждения компенсации. В частности, потерпевший вправе требовать выплаты компенсации при повреждении (уничтожении) вещи, имеющей для него большую нематериальную ценность; в случае незаконного изъ-

³ Текст проекта Модельного закона размещен на сайте международной конференции «Медицина и право в XXI веке» (Санкт-Петербург, 2022), в разделе «Материалы конференции». URL: <https://events.spbu.ru/events/anons/medicine-and-law-2022/conference-materials.html>.

⁴ См. по данному вопросу проект внесения изменений в законодательство о здравоохранении Республики Казахстан. Предлагается установить дифференцированные страховые суммы в зависимости от тяжести вреда, причиненного пациенту. URL: <https://legalacts.egov.kz/npa/view?id=13230039>.

⁵ В частности, Финский центр страхования пациентов (*Potilasvakuutuskeskus*) при осуществлении страховых выплат руководствуется Принципами компенсации дорожно-транспортных травм (*Liikenne-ja potilasvahinkolautakunta*). Эти принципы или таблицы минимальных значений периодически пересматриваются уполномоченным органом в сфере дорожной безопасности. Актуальная редакция размещена на официальном сайте центра. URL: <https://www.liikennevahinkolautakunta.fi/Guidelines>.

¹ Одна из таких Методик, включая таблицы средних значений, была разработана в 2020 году специальной комиссией Ассоциации юристов России. URL: https://zakon.ru/blog/2020/03/24/metodicheskie_rekomendacii_po_opredeleniyu_razmera_kompensacii_moralnogo_vreda_pri_posyagatelstvah_n.

² Место короткой фразы «с учетом требований разумности и справедливости» займут подробные цитаты из п. 26–30 Постановления Пленума № 33.

ятия части его дохода, следствием которого является невозможность удовлетворять обычные потребности (в продуктах питания, одежде, приобретении необходимых лекарств). Данные позиции Пленума Верховного Суда РФ, безусловно, позволят более единообразно разрешать споры, связанные с гибелью домашних животных (питомцев), утратой всевозможных личных архивов (в печатной форме, на электронных носителях и пр.), незаконным списанием денежных средств со счета гражданина, имеющих целевой характер (возмещение вреда здоровью, пенсия по инвалидности и т.д.). Сформулированная в пункте 2 статьи 1099 ГК РФ норма о том, что при нарушении имущественных прав моральный вред компенсируется в предусмотренных законом случаях, уже не будет применяться судами так формально, как это было раньше. Верховный Суд РФ в своих разъяснениях указывает на необходимость оценки того, было ли нарушение имущественных прав гражданина сопряжено с причинением ему физических и нравственных страданий, затронуло ли его охраняемые законом неимущественные интересы.

Вместе с тем в части вопросов распределения бремени доказывания по соответствующей категории споров разъяснения Пленума Верховного Суда РФ представляются излишне осторожными. Пленум, хотя и перечислил условия ответственности за причинение вреда, включая причинную связь, не попытался их раскрыть при помощи существующих в доктрине подходов (критериев) или наглядных примеров из судебной практики, не определил стандарт их доказывания потерпевшим. В отличие от разъяснений по вопросам применения ответственности за нарушение обязательств (2016), Пленум не высказался о том, можно ли презюмировать наличие причинной связи в спорах о возмещении вреда и в каких случаях. Исключение составляет лишь позиция Пленума применительно к спорам, связанным с ненадлежащим оказанием медицинской помощи. Однако как раз в этой сфере переложение бремени доказывания на ответчика (медицинскую организацию) оправданно лишь в некоторых случаях, например, при отсутствии или искажении медицинской документации. В иных же ситуациях это может привести к формальному подходу при разрешении соответствующих споров – присуждению компенсации морального вреда

при наличии любого, даже самого незначительного¹, дефекта медицинской услуги. В целом в части медицинских деликтов разъяснения Пленума могли бы быть более развернутыми, затронуть и другие важные аспекты оказания медицинской помощи – требования к информированному добровольному согласию (ИДС) пациента на медицинское вмешательство, критерии правомерного вреда в медицинской практике, основания освобождения субъекта медицинской деятельности от ответственности или снижения ее размера.

Анализ правовых позиций в Постановлении Пленума № 33 позволяет констатировать кризис принципа вины в публичных деликтах, в том числе условно новых. Он задается алгоритмом применения норм, регулирующих компенсационные обязательства, в том числе при рассмотрении требований потерпевших о компенсации морального вреда. С учетом нормативного и юридико-фактического оснований компенсации, установление факта нарушения прав (объективные условия ответственности) при условном признании принципа вины (вместе с презумпцией вины причинителя вреда) признается достаточной предпосылкой для возникновения обязательства по компенсации морального вреда. Приводимые в судебных решениях аргументы в пользу «установления вины» трудно отличить от обоснования противоправности деяния соответствующего публичного субъекта.

Разъяснения Верховного Суда РФ можно рассматривать как начало основанной на цивилистической доктрине и тенденциях развития судебной практики модернизации соответствующих компенсационных норм, которые институционально могли быть разделены на частное и публичное деликтное право. Об этом свидетельствует, в частности, расширение сферы применения гражданско-правовых норм о компенсации морального вреда при отсутствии в строгом смысле поименованных деликтов – при совершении имущественных правонарушений (в том числе преступлений против собственности), а также при незаконном уголовном или административном преследовании граждан.

¹ Не оказавшего существенного влияния на результат лечения.

Библиографический список

1. Анощенкова С. В. Учение о потерпевшем в российском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. 31 с.
2. Антонова Т. А. Правовое регулирование компенсации морального вреда пациенту // *BENEFICIUM*. 2020. № 3 (36). С. 48–54.
3. Белов В. А. Солидарность обязательств (общее учение и отдельные осложняющие моменты – альтернативность, обеспечение, перемена лиц, прекращение) // *Практика применения общих положений об обязательствах: сб. ст. / рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова. М.: Статут, 2011. С. 52–89.*
4. Божченко А. П. Проблемы и недостатки экспертного установления причинной связи // *Медицинское право*. 2020. № 4. С. 44–49.
5. Губаева А. К. Возмещение государством вреда, причиненного незаконными актами власти, и векторы контентного развития деликтного права // *Закон*. 2017. № 10. С. 74–82.
6. Евстигнеев Э. А. Принцип генерального деликта: современное состояние и перспективы применения (часть первая) // *Вестник гражданского права*. 2017. Т. 17. № 4. С. 45–83.
7. Егорова М. А. Правовая природа основания прекращения обязательств // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2010. № 12. С. 3–13.
8. Егорова М. А. Некоторые проблемы солидарной ответственности предпринимателей // *Юрист*. 2019. № 1. С. 14–21.
9. Каменева З. В. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный жизни и здоровью медицинскими услугами ненадлежащего качества // *Адвокат*. 2015. № 12. С. 60–64.
10. Карнер Э. Права человека и защита прав личности в гражданском праве // *Вестник гражданского права*. 2014. Т. 14. № 4. С. 257–275.
11. Козьминых Е. Обязательства вследствие причинения вреда здоровью при оказании медицинских услуг // *Российская юстиция*. 2001. № 2. С. 32–34.
12. Кратенко М. В., Луйк О.-Ю. Возмещение вреда, причиненного вследствие ненадлежащего медицинского вмешательства: сравнительный анализ опыта России и Эстонии // *Закон*. 2020. № 7. С. 69–83.
13. Левушкин А. Н., Бирюкова Е. Г. Качество оказания медицинских услуг: межотраслевой комплексный подход к правовому регулированию // *Журнал предпринимательского и корпоративного права*. 2018. № 3. С. 28–33.
14. Малеина М. Н. Соглашение о добровольной компенсации неимущественного вреда // *Гражданское право*. 2017. № 2. С. 11–13.
15. Маркелова А. А. К вопросу о возмещении вреда, причиненного ошибочным административным принуждением // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2021. № 2. С. 5–33.
16. Михайлов В. С. Теории причинно-следственной связи и установление пределов ответственности // *Вестник гражданского права*. 2019. № 4. С. 82–144.
17. Осаке К. Моральный вред в англо-американском праве: понятие, классификация и компенсации // *Ежегодник сравнительного права / Ин-т государства и права РАН. М.: Статут, 2011. С. 133–187.*
18. Хлуденева Н. И. Правовые пределы имущественной ответственности за вред окружающей среде // *Журнал российского права*. 2019. № 3. С. 152–164.
19. Цвайгерт К., Кёти Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: в 2 т.: пер. с нем. М.: *Международ. отношения*, 2000. Т. 2. 512 с.
20. Шевченко Г. Н. Солидарные обязательства в российском гражданском праве // *Журнал российского права*. 2014. № 2. С. 14–20.
21. Шмаров Л. А. Проблемы причинности в судебно-медицинских экспертизах по «врачебным делам» // *Судебно-медицинская экспертиза*. 2021. № 64 (1). С. 5–11. DOI: 10.17116/sudmed2021640115.
22. Ягельницкий А. А. К вопросу о неразрывной связи права с личностью: преемство в праве требовать компенсации морального вреда и вреда, причиненного жизни или здоровью // *Вестник гражданского права*. 2013. Т. 13, № 2. С. 60–91.
23. Giliker P. Vicarious Liability or Liability for the Acts of Others in Tort: A Comparative Perspective // *JETL*. 2011. Issue 2. Pp. 31–56. DOI: 10.1515/jetl.2011.31.
24. Goldberg R. Medical Malpractice and Compensation in the UK // *Chicago-Kent Law Review*. 2012. Vol. 87. Issue 1. Pp. 131–161. DOI: 10.1515/9783110270235.439.
25. Leflar R. B. The Law of Medical Misadventure in Japan // *Chicago-Kent Law Review*. 2012. Vol. 87. Issue 1. Pp. 79–110. DOI: 10.1515/9783110270235.239.
26. Sustek P. Current Debates on Medical Liability in the Czech Republic // *JDSAM*. 2019. Vol. 23. Issue 2. Pp. 63–71. DOI: 10.3917/jdsam.192.0063.
27. Stauch M. S. Medical Malpractice and Compensation in Germany // *Chicago-Kent Law Review*. 2011. Vol. 86. Issue 3. Pp. 1139–1168. DOI: 10.1515/9783110270235.179.
28. Watson K., Kottenhagen R. Patients' Rights, Medical Error and Harmonisation of Compensation Mechanisms in Europe // *European Journal of Health Law*. 2017. Vol. 25. Issue 1. Pp. 1–23. DOI: 10.1163/15718093-12460348.

References

1. Anoshenkova S. V. *Uchenie o poterpevshem v rossiyskom ugolovnom prave: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Doctrine of the Victim in Russian Criminal Law: Synopsis of Cand. Jurid. Sci. Diss.]. Saratov, 2004. 31 p. (In Russ.).
2. Antonova T. A. *Pravovoe regulirovanie kompensatsii moral'nogo vreda patsientu* [Legal Regulation of Compensation for Moral Harm to the Patient]. *BENEFICIUM*. 2020. Issue 3 (36). Pp. 48–54. (In Russ.).
3. Belov V. A. *Solidarnost' obyazatel'stv (obshchee uchenie i otdel'nye oslozhnyayushchie momenty – al'ternativnost', obespechenie, peremena lits, prekrashchenie)* [Solidarity of Obligations (General Doctrine and Individual Complicating Moments – Alternativeness, Security, Change of Persons, Termination)]. *Praktika primeneniya obshchikh polozheniy ob obyazatel'stvakh* [Practice of Application of General Provisions on Obligations: a Collection of Articles]. Moscow, 2011. Pp. 52–89. (In Russ.).
4. Bozhchenko A. P. *Problemy i nedostatki ekspertnogo ustanovleniya prichinnoy svyazi* [Issues and Shortcomings of the Expert Establishment of a Causal Relationship]. *Medsitsinskoe pravo – Medical Law*. 2020. Issue 4. Pp. 44–49. (In Russ.).
5. Gubaeva A. K. *Vozmeshchenie gosudarstvom vreda, prichinennogo nezakonnymi aktami vlasti, i vektory kontentnogo razvitiya deliktного права* [State Compensation for Harm Caused by Unlawful Government Acts, and Trajectories of the Content Development of Tort Law]. *Zakon*. 2017. Issue 10. Pp. 74–82. (In Russ.).
6. Evstigneev E. A. *Printsip general'nogo delikta: sovremennoe sostoyanie i perspektivy primeneniya (chast' pervaya)* [The General Tort Principle: the Current State and Application Prospects (part one)]. *Vestnik grazhdanskogo prava – Civil Law Review*. 2017. Vol. 17. Issue 4. Pp. 45–83. (In Russ.).
7. Egorova M. A. *Pravovaya priroda osnovaniya prekrashcheniya obyazatel'stv* [The Legal Nature of the Grounds for a Discharge]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2010. Issue 12. Pp. 3–13. (In Russ.).
8. Egorova M. A. *Nekotorye problemy solidarnoy otvetstvennosti predprinimateley* [Some Issues of Joint Liability of Entrepreneurs]. *Yurist – Jurist*. 2019. Issue 1. Pp. 14–21. (In Russ.).
9. Kameneva Z. V. *Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost' za vred, prichinennyi zhizni i zdorov'yu meditsinskimi uslugami nenadlezhashchego kachestva* [Civil Liability for Harm Caused to Life and Health by Medical Services of Improper Quality]. *Advokat – Attorney*. 2015. Issue 12. Pp. 60–64. (In Russ.).
10. Karner E. *Prava cheloveka i zashchita prav lichnosti v grazhdanskom prave* [Human Rights and Protection of Personal Rights in Civil Law]. *Vestnik grazhdanskogo prava – Civil Law Review*. 2014. Vol. 14. Issue 4. Pp. 257–275. (In Russ.).
11. Koz'minykh E. *Obyazatel'stva vsledstvie prichineniya vreda zdorov'yu pri okazanii meditsinskikh uslug* [Obligations Due to Causing Injury to a Patient's Health When Delivering Medical Services]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justice*. 2001. Issue 2. Pp. 32–34. (In Russ.).
12. Kratenko M. V., Luik O.-J. *Vozmeshchenie vreda, prichinennogo vsledstvie nenadlezhashchego meditsinskogo vmeshatel'stva: sravnitel'nyy analiz opyta Rossii i Estonii* [Compensation for Harm Caused by Improper Medical Intervention: Comparative Analysis of the Experience of the Russian Federation and Estonia]. *Zakon*. 2020. Issue 7. Pp. 68–83. (In Russ.).
13. Levushkin A. N., Biryukova E. G. *Kachestvo okazaniya meditsinskikh uslug: mezhotraslevoyy kompleksnyy podkhod k pravovomu regulirovaniyu* [Quality of Medical Services: Interbranch Integrated Approach to Legal Regulation]. *Zhurnal predprinimatel'skogo i korporativnogo prava – Journal of Business and Corporate Law*. 2018. Issue 3. Pp. 28–33. (In Russ.).
14. Maleina M. N. *Soglasenie o dobrovol'noy kompensatsii neimushchestvennogo vreda* [Agreement on Voluntary Compensation for Non-Property Damage]. *Grazhdanskoe pravo – Civil Law*. 2017. Issue 2. Pp. 11–13. (In Russ.).
15. Markelova A. A. *K voprosu o vozmeshchenii vreda, prichinennogo oshibochnym administrativnym prinuzhdeniem* [On the Compensation for Damage Caused by Wrongful Administrative Coercion]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii – Herald of Economic Justice*. 2021. Issue 2. Pp. 5–33. (In Russ.).
16. Mikhaylov V. S. *Teorii prichinno-sledstvennoy svyazi i ustanovlenie predelov otvetstvenosti* [Theories of Causation and Establishing the Limits of Liability]. *Vestnik grazhdanskogo prava – Civil Law Review*. 2019. Vol. 19. Issue 4. Pp. 82–144. (In Russ.).
17. Osakwe C. *Moral'nyy vred v anglo-amerikanskом prave: ponyatie, klassifikatsiya i kompensatsii* [Moral Harm in Anglo-American Law: Concept, Classification and Compensations]. *Ezhegodnik sravnitel'nogo prava* [Yearbook of Comparative Law]. Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. Moscow, 2011. Pp. 133–187. (In Russ.).
18. Khludeneva N. I. *Pravovye predely imushchestvennoy otvetstvennosti za vred okruzhayushchey srede* [Legal Limits of Property Liability for Environmental Damage]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 2019. Issue 3 (267). Pp. 152–164. (In Russ.).
19. Zweigert K., Kötz H. *Vvedenie v sravnitel'noe pravovedenie v sfere chastnogo prava* [Introduction to Comparative Law in the Sphere of Private Law: in 2 vols.]. Transl. from German. Moscow, 2000. Vol. 2. 512 p. (In Russ.).

20. Shevchenko G. N. *Solidarnye obyazatel'stva v rossiyskom grazhdanskom prave* [Solidary Obligations in Russian Civil Law]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 2014. Issue 2. Pp. 14–20. (In Russ.).

21. Shmarov L. A. *Problemy prichinnosti v sudebno-meditsinskikh ekspertizakh po «vrachebnym delam»* [Problems of Causality in Forensic Medical Examinations on ‘Medical Cases’]. *Sudebno-meditsinskaya ekspertiza – Forensic Medical Expertise*. 2021. Vol. 64. Issue 1. Pp. 5–11. DOI: 10.17116/sudmed2021640115. (In Russ.).

22. Yagel'nitskiy A. A. *K voprosu o nerazryvnoy svyazi prava s lichnost'yu: preemstvo v prave trebovat' kompensatsii moral'nogo vreda i vreda, prichinnogo zhizni ili zdorov'yu* [On the Inseparability of the Right from the Person: Succession to the Right to Claim Compensation for Moral Harm and Damage to Life or Health]. *Vestnik grazhdanskogo prava – Civil Law Review*. 2013. Vol. 13. Issue 2. Pp. 60–91. (In Russ.).

23. Giliker P. Vicarious Liability or Liability for the Acts of Others in Tort: A Comparative Perspec-

tive. *JETL*. 2011. Issue 2. Pp. 31–56. DOI: 10.1515/jetl.2011.31. (In Eng.).

24. Goldberg R. Medical Malpractice and Compensation in the UK. *Chicago-Kent Law Review*. 2012. Vol. 87. Issue 1. Pp. 131–161. DOI: 10.1515/9783110270235.439. (In Eng.).

25. Leflar R. B. The Law of Medical Misadventure in Japan. *Chicago-Kent Law Review*. 2012. Vol. 87. Issue 1. Pp. 79–110. DOI: 10.1515/9783110270235.239. (In Eng.).

26. Sustek P. Current Debates on Medical Liability in the Czech Republic. *JDSAM*. 2019. Vol. 23. Issue 2. Pp. 63–71. DOI: 10.3917/jdsam.192.0063. (In Eng.).

27. Stauch M. S. Medical Malpractice and Compensation in Germany. *Chicago-Kent Law Review*. 2011. Vol. 86. Issue 3. Pp. 1139–1168. DOI: 10.1515/9783110270235.179. (In Eng.).

28. Watson K., Kottenhagen R. Patients' Rights, Medical Error and Harmonisation of Compensation Mechanisms in Europe. *European Journal of Health Law*. 2017. Vol. 25. Issue 1. Pp. 1–23. DOI: 10.1163/15718093-12460348. (In Eng.).

Информация об авторах:

А. К. Губаева, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Санкт-Петербургский государственный университет 199106, Россия, г. Санкт-Петербург, 22-я линия В.О., 7
ORCID: 0000-0003-0825-2723
ResearcherID H-3368-2015

Статьи в БД «Scopus» / «Web of Science»:
DOI: 10.17116/stomat2018970614

Чжеву Ли, кандидат юридических наук, ассистент-профессор факультета недвижимости и строительства

Университет Каннам
Республика Корея, 16979, Йоньин, Гихонг-гу, Гангнам-ро, 40,

ORCID: 0009-0009-0611-9858
ResearcherID HQZ-2830-2023

Статьи в БД «Scopus» / «Web of Science»:
DOI: 10.1163/15730352-00000015

М. В. Кратенко, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Санкт-Петербургский государственный университет 199106, Россия, г. Санкт-Петербург, 22-я линия В.О., 7
ORCID: 0000-0002-6583-0588
ResearcherID AAS-7459-2020

Статьи в БД «Scopus» / «Web of Science»:
DOI: 10.17072/1995-4190-2020-50-762-786
DOI: 10.17072/1995-4190-2021-54-766-789
DOI: 10.21638/spbu14.2021.213
DOI: 10.21638/spbu14.2022.310
DOI: 10.17116/sudmed20236601159
DOI: 10.17116/sudmed20226501162
DOI: 10.4337/apjel.2022.01.01

About the authors:

A. K. Gubaeva
Saint Petersburg State University
7, 22nd line, Vasilyevsky Ostrov, St. Petersburg, 199106, Russia
ORCID: 0000-0003-0825-2723
ResearcherID H-3368-2015

Articles in Scopus / Web of Science:
DOI: 10.17116/stomat2018970614

Jewoo Lee
Kangnam University
40, Gangnam-ro, Gugal-dong, Giheung-gu, Yongin-si, Gyeonggi-do, Republic of Korea
ORCID: 0009-0009-0611-9858
ResearcherID: HQZ-2830-2023

Articles in Scopus / Web of Science:
DOI: 10.1163/15730352-00000015

M. V. Kratenko
Saint Petersburg State University
7, 22nd line, Vasilyevsky Ostrov, St. Petersburg, 199106, Russia
ORCID: 0000-0002-6583-0588
ResearcherID AAS-7459-2020

Articles in Scopus / Web of Science:
DOI: 10.17072/1995-4190-2020-50-762-786
DOI: 10.17072/1995-4190-2021-54-766-789
DOI: 10.21638/spbu14.2021.213
DOI: 10.21638/spbu14.2022.310
DOI: 10.17116/sudmed20236601159
DOI: 10.17116/sudmed20226501162
DOI: 10.4337/apjel.2022.01.01